

ДЕТИ-ГЕРОИ

отрывки из книги «Дети-герои» / сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин. - 2-е изд. - К.: Рад.шк., 1985. - 608 с., ил. (74.22Д38)

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЭСТАФЕТА ПИОНЕРСКОГО ПОДВИГА

А. Ф. ФЕДОРОВ, дважды Герой Советского Союза

С большим душевным волнением закончил я чтение нового издания книги “Дети-герои”, посвященной 40-летию выдающейся победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, и хочу поделиться с юным читателем мыслями, навеянными ее содержанием.

Подумать только, какое огромное счастье выпало живущим сейчас поколениям — четыре десятилетия мирной жизни, труда, возрождения и могучего расцвета нашей Родины! Советские люди под руководством Коммунистической партии завоевали это счастье и на полях сражений, и в мирном труде.

“Дети-герои” — само название книги говорит о многом. Это страницы истории родной страны от Октября до наших дней.

Юные ленинцы всегда принимали деятельное участие и в больших, и в малых делах нашего народа. Самыми памятными вехами на этом пути были Октябрьская революция, гражданская и Отечественная войны, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, мирное социалистическое строительство в послевоенные годы. И на каждом этапе рождались герои. О них, реально существовавших, о невыдуманных событиях их жизни рассказывают страницы этой книги.

Героическую историю нашей Отчизны, биографии мальчиков и девочек в красных галстуках, многие из которых отдали свою жизнь за мирное, счастливое детство их нынешних ровесников, должен знать каждый из вас.

Оглядываясь сегодня на свой личный жизненный путь, я понимаю, что для меня примером служили поступки людей мужественных, смелых, умевших без страха глядеть смерти в глаза. Это были те люди, кто жил, работал, боролся по-партийному, по-ленински. Именно в их среде у меня и моих сверстников формировались высокие нравственные позиции, прежде всего любовь и уважение к труду.

Я, как и многие участники гражданской войны, сменил форму красноармейца-конника на рабочую спецовку, стал строителем, прокладывал тоннели. После нелегких трудовых смен садились за парты и, выполняя один из важнейших ленинских заветов, учились коммунизму. Впоследствии, когда партия доверяла мне высокие партийные и государственные посты, я старался прививать любовь и уважение к труду людям, с которыми приходилось работать.

Мы, люди старшего поколения, возвратясь с гражданской войны, без передышки начали строить новое социалистическое общество. С нами рядом подрастало юное поколение. И когда пробил час тревоги, когда над Родиной нависли злоеющие тучи фашизма, мы, отложив свои трудовые дела, поднялись с оружием в руках, чтобы отстоять завоевания Октября. Дети мирного, трудового народа встали со взрослыми плечом к плечу и взяли в руки оружие.

Патриотический порыв детей был так высок, что вопреки всем протестам взрослых, пытавшихся оградить их от опасности, они всякими правдами и неправдами присоединялись к воинским частям, становясь сыновьями и дочерьми полков. Они были подчас незаменимы как разведчики, связные, медицинские сестры, подрывники. Многие из этих ребят удостоены высоких правительственных наград. Около 20 тысяч пионеров, участников обороны столицы нашей Родины, награждены медалью “За оборону Москвы”. 15249, ленинградских пионеров, активных участников обороны города на Неве, получили медаль “За оборону Ленинграда”.

Многие мальчики и девочки по зову своих юных сердец стали подпольщиками, пришли в партизанские отряды, чтобы отомстить врагу за смерть отцов и братьев, за поруганную честь матерей и сестер, за сожженные жилища — за все злодеяния, совершенные фашистами в оккупированных районах.

В партизанской семье выросли покрывшие себя неуязвимой славой пионеры — Герои Советского Союза Леонид Голиков, Валентин Котик, Марат Казей.

Обо всем этом рассказывают волнующие страницы книги. Мы, партизаны и подпольщики, твердо знали, что Великая Отечественная война требует большой работы, и большого мужества, и большой человечности. Мы приходили в новые районы действий, и люди нам верили, видели в нас свою защиту, свою опору. Далеко за линией фронта мы были не только воинами, но и представителями Советской власти и Коммунистической партии.

Высшим руководящим политическим и оперативным органом Коммунистической партии на оккупированной фашистами территории уже в начале войны стали подпольные обкомы партии. Они были центрами по организации в тылу врага сопротивления советского народа фашистским поработителям и возглавили всенародную войну с захватчиками.

На временно оккупированной территории Украины действовало 23 подпольных обкома КП/б/У. Я возглавлял Черниговский, потом Волынский подпольные обкомы партии. А Дмитрий Тимофеевич Бурченко, выступающий в этой книге автором очерка о двенадцатилетнем разведчике Володе Рымаре, который сейчас живет и работает в Киеве, был секретарем Винницкого подпольного обкома партии и одновременно комиссаром крупного партизанского соединения, воевавшего в тылу врага.

Юные партизаны проникали в самые опасные места и с честью выполняли свои боевые задания.

Показателен в этом смысле рассказ о юном отважном мстителе Васе Коробко. Он пришел в наше Черниговское партизанское соединение еще в самом начале партизанской борьбы с фашистами. Призываю юных читателей поразмыслить над страницами героической, яркой, до обидного короткой биографии верного сына Родины Васи Коробко. Непросто было в сложнейших условиях 1942 года заслужить орден Красного Знамени. Тем более трудно этого достичь, когда тебе всего-то 15 мальчишеских лет. А каких героических усилий, какой крепости духа и самоотверженности стоило ему, Васе Коробко, потом заслужить и высшую награду Родины — орден Ленина!

Их было много, детей-героев, и все они были разные, каждый со своим характером, привычками, наклонностями. И каждый по-своему проявлял себя в критических ситуациях. Но есть у них немало объединяющего. Читатель книги найдет общие черты и в Павлике Морозове, проявившем мужество в период коллективизации, и в Вале Котике, погибшем смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками. Что же их роднит, советских детей разных поколений? Преданность Родине, моральная чистота, готовность к подвигу — черты, которые воспитывает в советском человеке социалистическое общество.

Война — дело жестокое. Советский народ потерял в ней двадцать миллионов жизней. Мы назвали ее Великой, потому что велико было наше мужество и велик гнев. Мы назвали ее Отечественной, потому что защищали свое Отечество — самое дорогое, что у нас есть. Мы назвали ее священной, потому что ничего более святого, чем борьба за свободу Родины, человечество не знало. Мы назвали ее народной, потому что весь советский народ поднялся на борьбу.

Часто становились партизанами братья и сестры, жены и мужья, отцы и дети. В нашем Черниговском партизанском соединении, которым я командовал, много было таких семей.

Приведу один пример. Ездовой заместителя командира соединения по разведке Максим Титович Глазок был главой одной из самых славных партизанских семей. В списке личного состава соединения было пять одинаковых фамилий — Глазок. В этой книге рассказывается о самом младшем представителе отважной партизанской семьи — Мише Глазке.

Несколько опережая дальнейший рассказ, я поделюсь личными воспоминаниями об этом изобретательном смельчаке, настоящем герое. Миша не был похож на своих сверстников, непоседливых шалунов, которые тоже стали партизанами. Младший Глазок — натура лирическая. Частенько приходилось видеть его под сосной с томиком Некрасова или Шевченко. Миша сам сочинял стихи, хорошо рисовал, любил живопись, до войны мечтал быть художником. А теперь у него иная мечта — стать минером.

Сначала несмело, потом все настойчивее просил командира направить его в диверси-

онное подразделение. Ему отказывали, советовали раньше подрасти. Но Миша от ^{Стр. 3} своей мечты не отказался. Настойчивость, упорство четырнадцатилетнего партизана вознаградились — он стал мастером подрывного дела. Вскоре после наших диверсий на железных дорогах Ковельского узла полетел под откос высаженный им в воздух вражеский поезд. Миша считался в своем батальоне лучшим минером. Хорошо действовали и те партизаны, которых инструктировал Миша Глазок. Когда у командира батальона возникали вопросы, связанные с минированием, он говорил: “Нужно посоветоваться с Глазком”. А советчик годился командиру в сыновья.

За мужество и героизм юный партизан награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Сейчас (1985) Михаил Максимович Глазок — частый гость пионеров города Харькова, где он живет и трудится.

Дети на войне... Для раскрытия этой большой и сложной темы в сборнике привлечены воспоминания участников и свидетелей событий, документы. Из них читатель многое узнает о том времени — о зверствах фашистов, о страшных лишениях, о смертельной опасности и о героизме, непоколебимости воли, силе духа советских пионеров и школьников. Движимые высоким чувством любви к Родине, они брали пример со своих родителей, старших братьев и сестер, мужественно сражавшихся против захватчиков на фронте и в тылу врага.

Книга “Дети-герои” интересно рассказывает о боевом мужестве племени юных, о том, что наша борьба с фашизмом была интернациональной. В ней соединились усилия всех народов-братьев Советской страны. Своеобразным символом братства советских народов в борьбе с фашистскими поработителями стало то, что звания Героя Советского Союза были удостоены юные сыновья народов-братьев: русский Леня Голиков, украинец Валя Котик, белорус Марат Казей.

Дети нашей страны воспитываются в духе интернациональной солидарности с народами других стран. Многие из них были участниками освободительной борьбы поработанных гитлеровцами народов Европы. Клубы интернациональной дружбы — очаги гуманных воспитательных идей — осуществляют практическую связь с детьми других стран. Заработанные во время субботников и воскресников деньги ребята перечисляют в Фонд мира или покупают учебники и школьные принадлежности для детей, живущих в молодых, развивающихся государствах. Так, например, поступили члены КИДа Калужской школы № 5 Ивано-Франковской области.

Как известно, победа ковалась не только на фронте, но и в тылу. Подростки заменили на заводах и фабриках своих родителей, старших братьев и сестер. Часто к станку пристраивали подставки, ставили ящики, чтобы юный рабочий мог дотянуться до рычагов управления. Днем и ночью работали они у машин и станков, выпуская продукцию, нужную фронту и тылу, приближая час долгожданной Победы. Это они в те годы сеяли, собирали урожай. И это были не единичные факты.

В годы войны таганрогские ребята на средства, заработанные своими руками, построили самолет “Таганрогские пионеры” и передали его летчикам Крымского фронта.

Советские дети всегда приобщались к делам своей родной страны, жили ее болью в трудные времена, живут ее радостями и надеждами в мирное время. Наша страна — страна грандиозных свершений, в которые свой посильный вклад вносят сегодня и дети. Это и сбор металлолома для газопровода “Уренгой — Ужгород” и рельсов БАМа, и операция “Зернышко”, вовлекшая тысячи ребят в борьбу за высокие урожаи и выполнение Продовольственной программы, и пионерские “Спутники” при школьных ученических производственных бригадах, и активное участие в благоустройстве и озеленении родных городов и сел.

И хотя все эти славные дела совершаются в мирное время, они сродни трудовым подвигам ребят в годы Великой Отечественной войны. Подвиги, требующие риска, смелости и находчивости, совершают ребята при охране границ, тушении пожаров, спасении утопающих и в других делах.

Пионеры свято чтят память тех, кому они обязаны своей счастливой жизнью. Они ведут поиск героев минувшей войны, посещают ее ветеранов, окружают их теплотой и вниманием, помогают больным и престарелым.

Перелистывая страницы книги, я встречал на них фотографии памятников детям-героям, часть из которых сооружены на средства, заработанные ребятами. И в этом видна их дань памяти юным героям. Конечно, всем памятники поставить невозможно,

но все правдивое повествование книги, основанное на документальных материалах, безусловно, увековечивает память о юных героях в сердцах благодарных потомков. Стр. 4

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

(Катя Литвейко 1914/1917)

Шел 1914 год. Кате, моей младшей сестренке, было тогда двенадцать лет. Жили мы на Пресне, в подвале двухэтажного дома. Семья была большая, и, чтобы помочь родителям бороться с нуждой, мы рано начали работать.

С двенадцати лет Катя пошла ученицей в галстучную мастерскую. Она была маленькой хрупкой девочкой, но работать ей приходилось по десять часов в день.

Трудное это было время... Но в нашей семье жили воспоминаниями о боях на Пресне в декабре 1905 года, и мы знали, что где-то спрятана винтовка отца, с которой он сражался на баррикадах.

Кроме нашей семьи, в подвале жили еще два студента. Мать сдавала им комнату.

Запершись в своей комнате, студенты о чем-то подолгу беседовали с приходившими к ним товарищами. Мы знали, что они “политические”, так как к ним несколько раз наведывалась с обыском полиция. Но полицейские никогда ничего не находили. Мать и отец помогали студентам надежно прятать листовки и запрещенные книги. А мы, дети, умели крепко держать язык за зубами.

Однажды, когда к студентам должны были прийти товарищи на очередную сходку, нагрянула полиция.

Жандармы вели себя не так, как обычно, — сделают обыск и уйдут. Они устроили у нас дома настоящую засаду и никому из нас не позволили двинуться с места. Студенты сидели под надзором жандармов в одной комнате, а мы, дети, — в другой. Родителей не было дома...

Мы знали, что скоро к нам в дом придут подпольщики. Но, должно быть, знала об этом и полиция. Мы с ужасом ждали, что все попадут в ловушку.

Забравшись в уголок, я и сестра Мария тихо совещались, как быть. Как предупредить подпольщиков? Мы знали их

адреса, но разве выйдешь из дому, когда у дверей сидит здоровенный жандарм? А окно открыть нельзя: услышат.

— Я вылезу через форточку во двор, — сказала Катя.

— Через форточку?! — удивленно повторили мы с Марией. — Да ты не пролезешь!

— Пролезу, — уверенно сказала Катя.

Окно комнаты, где мы сидели, выходило во двор. Оно было чуть ниже уровня земли, а под ним была яма, как всегда бывает в подвалах.

Выбравшись через форточку, Катя присела в этой яме и дождалась, пока шпик, карауливший на улице, повернул за угол. Тогда она быстро выскочила, а потом, как ни в чем не бывало, спокойно пошла по двору. Мало ли детей бегают во дворе! Шпик не обратил на Катю внимания.

Прошло несколько минут. Мы с тревогой ожидали, чем все это закончится...

Время шло... Никто из подпольщиков не приходил. Мы едва могли сдержать свою радость... Однако жандармы все еще сидели в комнате. Они просидели до вечера и ушли ни с чем. Тогда вбежала в дом сияющая Катя...

Так состоялось ее боевое крещение.

А через три года, в дни октябрьских боев, она пришла к нам на медпункт.

— Я буду с вами, — твердо сказала Катя.

Напрасно мы говорили, что она еще маленькая. Девочка настаивала на своем и вправду сумела вскоре стать нам очень полезной.

В этот день вечером на медпункт принесли несколько тяжелораненых. Мы перевязали их, но нужна была врачебная помощь.

Начальник расположенного рядом военного госпиталя отказывался брать раненых. Тогда мы напомнили ему, что власть на Пресне принадлежит восставшим рабочим, и положили раненых в палату. Но при таком начальнике в госпитале нужен был наш человек, чтобы все было в порядке.

Мы послали Катю. И пятнадцатилетняя Катя отлично справилась со своей ролью “комиссара госпиталя”. (А. ЛИТВЕЙКО)

ЮНЫЙ РАЗВЕДЧИК

(Миша Гаврилов 1919)

Гражданская война в молодой Советской республике проходила в упорных боях. В январе 1918 года в Западном Казахстане была установлена Советская власть, а в конце марта белогвардейцы совершили контрреволюционный переворот. И только 25 января 1919 года Чапаевская дивизия взяла Уральск, и в области снова была восстановлена власть Советов. Воспользовавшись тем, что Чапаевскую дивизию отозвали с Уральского фронта к Уфе для ликвидации колчаковских банд, белоказаки снова пошли на Уральск.

Это случилось 23 июня 1919 года. Все попытки белых взять Уральск не привели ни к чему. Особенно мешал продвижению белоказачьих войск заслон в селе Новеньком, где находился железнодорожный батальон 194-го стрелкового полка 22-й стрелковой дивизии. В этот день красногвардейцы рыли окопы и устанавливали проволочные заграждения. И только поздно ночью уснули богатырским сном.

В одном из полков в дозоре стоял двенадцатилетний мальчик Миша Гаврилов. В шинели не по росту, в большом военном картузе, с карабином в руках. Из окопа его было чуть видно. Но Миша был бойцом исправным. Стоя на посту, он внимательно смотрел в степь, зная, какая важная задача на него возложена. И вдруг видит: кто-то скачет к нему на лошади. Миша вскинул карабин, ждет. Всадник подъехал и спрашивает:

— Эй, малыш, какая здесь сотня? Где дорога на Трекино?

— Здесь нет никакой сотни, здесь железнодорожный батальон, — отвечает Миша, а сам глаз не спускает с него: свой или не свой, думает.

Но не успел он отъехать, как Миша сообразил: “Сотня! Ведь сотни только у белоказачков бывают! Значит, это белый офицер. Недаром он о Трекине спрашивал: там враги. Что же делать? Сообщить своим, но офицер ускачет — вон какой конь под ним резвый!”

Мгновенно Миша вскинул карабин и прицелился. Раздался выстрел. Лошадь забилась в смертельной судороге, а офицер бросился со всех ног удирать в степь. Миша вторично прицелился и нажал курок. Офицер упал.

Миша подбежал к нему, отстегнул полевую сумку и отнес ее в штаб, а сам вернулся к своему окопчику.

Ранним утром командир полка красногвардейцев Иноков разыскал Мишу Гаврилова. Тот дремал после караула на выступе окопа. Инокову было жаль будить юного бойца.

Но Миша, точно почуяв, вдруг вскочил.

— Здравствуй, орленок! — поздоровался командир полка. — Поздравляю! Ты добыл документ, который войдет в историю обороны Уральска. Город многим тебе обязан. Спасибо за геройский подвиг, за великую преданность революции. Ревком и штаб обороны представили тебя к награде.

Миша спросонок не сразу понял, о чем говорит командир полка, не знал, что ответить, как выразить радость.

Старый воин понял его волнение и, растроганный, прижал к груди голову Миши.

— Еще раз спасибо! Отдыхай. Скоро бой.

Взошло солнце, серое от дыма и пыли; над древней яицкой землей нависла тишина. И если бы не истерзанная, заваленная трупами и влажная от крови земля, то нельзя было подумать, что здесь всего два часа назад кипела страшная битва.

В поселке Новеньком на вытопанной, забросанной осколками снарядов, но все еще зеленой траве лежали раненые. Врачи и сестры в белых халатах делали перевязки, отправляли в госпитали, в дома горожан тех, кого еще можно было спасти.

Возле подбитой пушки, на разостланной шинели лежал Миша Гаврилов. Полчаса назад его принесли санитары. Нашли Мишу на берегу Чагана.

Командир полка красногвардейцев, обходя раненых, увидел Мишу. Он опустился на землю, поднял руку мальчика, нащупал пульс и крикнул:

— Доктор! Доктора сюда!

Увидев своего командира, со всех сторон подходили бойцы. В это время Миша открыл глаза. Узнал тех, кто стоял над ним, улыбнулся и простонал:

— Пи-ить...

Поднесли флягу с водой. Он хлебнул глоток, другой — вода, окрашенная кровью, потекла изо рта по бледным, запавшим щекам. Темные глубокие глаза юного чапаевца

на миг засветились радостью.

— Значит, мы победили? — с трудом произнес Миша, вытянулся и затих.

Тело Миши вместе с телами других воинов-красногвардейцев привезли в штаб обороны. Защитники города прощались с героями.

В ясное летнее утро через весь город к Чагану их провожали тысячи бойцов, рабочих, горожан.

А недели через две в Уральский комиссариат пришел орден Красного Знамени, предназначенный для Миши Гаврилова. Орден возвратили в Москву с рапортом военкома: “Красноармеец Михаил Гаврилов пал смертью храбрых двадцать четвертого июня 1919 года при обороне города Уральска. Вечная память герою!”

Пришел август 1958 года. По центральной улице Уральска торжественным шагом проходит сборная дружина пионеров всех областей Казахстана. Впереди колонна знаменосцев. Пионеры несут венки из живых цветов и поют песни о мужестве их сверстников. Колонна останавливается.

Сегодня здесь состоится открытие памятника Мише Гаврилову.

Выступают пионеры Казахстана. Их слова звучат, как клятва.

— О Мише мы знаем из рассказов участников гражданской войны, — говорит Райхан Ибраев. — Он дорог нам и любим нами. Когда редакция пионерской газеты “Дружные ребята” объявила о сборе средств на сооружение памятника, пионеры республики дружно взялись за дело. Мы работали в колхозах, собирали металлолом, выступали с платными концертами...

— Образ маленького чапаевца всегда будет жить в наших сердцах, — продолжает Галя Джанбашан. — Мальчик, который не имел детства, отдал свою жизнь за наше счастье, чтобы мы учились в школах, отдыхали в лагерях и “Артеке”, ходили в туристские походы, чтобы никто и никогда не мог прервать наш веселый смех. И мы, пионеры, обещаем учиться только на “хорошо” и “отлично”, быть смелыми и отважными, честными и трудолюбивыми.

— Шесть дней, — рассказывал Алик Мозговой, — мы были в походе по местам чапаевских боев. Своими глазами мы видели окопы времен гражданской войны, братские могилы, величественные памятники героям. Все пионеры Казахстана возьмут шефство над памятниками героям революции. Пусть цветут вокруг них цветы и зеленеют скверы.

Мы памятник этот ему воздвигаем,

Пусть крепнет в годах его подвиг и слава!

Пусть все пионеры узнают, услышат

О юном герое — Гаврилове Мише!

Он будет нам другом, будет примером,

Вечно живым, боевым пионером.

Под торжественные звуки гимна сборная пионерская дружина сняла покрывало с памятника. Юный герой стоит на пьедестале с гордо поднятой головой. Взгляд устремлен вперед, сурово сдвинуты брови. На пьедестале надпись: “Юному герою гражданской войны Мише Гаврилову от пионеров Казахстана”. Пусть стоит в веках памятник мужеству уральского мальчика. Его героическому подвигу — пионерский салют! (в. жуков)

ПОБРАТИМЫ В РАЗВЕДКЕ

(Ваня и Михась 1920)

Летом 1920 года Первая Конная армия была переведена на польский фронт. Прорвав оборону белополяков, красные конники стремительным броском овладели Житомиром, Бердичевом, Радомышлем, Новоградом-Волынским, Ровно. Главные силы белополяков в панике отступали в северном и западном направлениях. Но враг еще не был разбит. Он упорно, цепляясь за каждый клочок украинской земли, оказывал сопротивление. Особенно яростно огрызались части второй армии белополяков, засевшие в районе города Дубно, где действовал мой полк.

В начале июля я получил приказ от командира дивизии готовиться к взятию Дубно. Это был довольно-таки крепкий орешек. Город представлял собой настоящую крепость. Окруженный с трех сторон болотами, он был связан с внешним миром тремя узкими дорогами. Две из них находились в тылу у врага, а третья, по которой двигались наши войска, простреливалась вражеской артиллерией. Чтобы подавить ее, надо было

точно узнать, где она расположена.

Задача была трудная, почти неразрешимая. Посылаемые мной разведчики не могли проникнуть в город; они возвращались ни с чем или вовсе не возвращались.

И тогда в поход отправились наши малыши.

В Дубно они пробыли целый день. Разыгрывая на этот раз роль беспризорных дружков, они обшарили весь город, много увидели, узнали. Единственное, чего им не хватало, — это сведений о крепостных батареях. Как ни изоцрялись ребята, а в крепость пробраться им не удалось.

День был на исходе, утомленные мальчишки спешили до захода солнца выбраться из города. Они шли тихой, почти безлюдной улицей, утопающей в зелени садов. Неожиданно их окликнули.

— Эй, подите-ка сюда, — строго позвал их обрюзгший, толстый офицер. Рядом с ним стоял маленький паныч и капризно хныкал:

— Мой змей, мой змей...

Ваня и Михась остановились, выжидательно поглядывая на толстяка.

— Ну-ка, быстрее пошевеливайтесь, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Бежать? Но неизвестно, чего хочет этот надменный офицер. Да и стоит ли бежать? Мальчишки нерешительно подошли.

Офицер открыл калитку и, пропустив вперед Ваню с Михасем, вошел с ними в сад.

Почти у самого дома, приютившегося среди фруктовых деревьев, клумб с душистыми настурциями, кустов сирени, он остановился.

— Вот, — сказал офицер, указывая пальцем на верхушку большой развесистой яблони, где трепетал зацепившийся за ветви ярко разукрашенный змей.

Ваня облегченно вздохнул. Он быстро взобрался на дерево и достал панычу игрушку.

За калиткой сада Ваня дернул Михася за руку.

— Не туда...

Михась удивленно посмотрел на друга:

— Как не туда? Нам же направо...

— Нет, налево. Я, когда слазил с дерева, сумку офицерскую видел. Окно настежь открыто, а возле окна — стол. Она с краю лежит, толстая. Знаешь, какие там могут быть бумаги? Взять бы их...

— Только как? — развел руками Михась.

— А так... — и Ваня зашептал что-то Михасю.

Стоя на плечах у Михася, Ваня внимательно осматривал комнату. Она была пуста, а сумка по-прежнему лежала на том самом месте. Его отделял от сумки какой-нибудь метр. Не мешкая, Ваня цепко ухватился левой рукой за подоконник, а правой потянулся за сумкой. Секунда — и она уже внизу, у Михася. Еще секунда — и Ваня готов был спрыгнуть с плеч друга. Но в этот миг кто-то невидимый схватил его за руку и сжал ее, словно в тисках.

— А-а, пся крев... Попался, ворюга!

— Ой, дяденька, больше не буду! — закричал Ваня и больно ткнул Михася в плечо. Михась понял сигнал. В то же мгновение Ваня почувствовал, что повис в воздухе, и сильные мужские руки втащили его в комнату. Только здесь он увидел стоящий в нише диван, который из окна нельзя было заметить. На нем и отдыхал польский полковник, который теперь свирепо смотрел на Ваню.

— Сумка где? — наотмашь ударил офицер мальчика по лицу.

— Я не буду больше, дяденька... — заскулил Ваня, не отвечая на вопрос, чтобы дать Михасю время выбраться из сада.

— Я тебя, собачий сын, о сумке спрашиваю! — звонко прозвучала вторая пощечина.

Ваня опять затынул свое. Офицер кликнул денщика.

— Поди под мое окно подыми сумку, — приказал полковник появившемуся в дверях солдату.

За эти десять минут, пока солдат искал сумку, Ваня успел получить еще несколько ударов.

Наконец, не выдержав, офицер высунулся из окошка и нетерпеливо заорал:

— Ну, чего так долго? Давай сюда.

— Тут ничего нет, господин полковник!

— Ах так! Ты не один был? — повернулся офицер к Ване и тотчас денщику: — Под-

нять тревогу, оцепить сад, обыскать все вокруг. Живо!

... Ночью к нам возвратился Михась. Вместе со сведениями о противнике, вместе с ценными документами из офицерской сумки он принес нам тяжелую весть: Ваня в руках врага.

Через два дня конармейцы с боем взяли Дубно. В подвале вражеской контрразведки мы нашли Ваню. Его тело, истерзанное, исполосованное шомполами, его изуродованное лицо говорили о многом. Враг так и не узнал, кем был Ваня и куда делась полковничья сумка. Захваченный в плен денщик полковника, рассказавший на допросе о пытках, выдержанных Ваней, дивился мужеству мальчика.

Мы похоронили нашего Сынка, как бойца, с воинскими почестями. А через полгода пришлось расстаться и с Михасем: он уехал в трудовую коммуну. Где он сейчас, не знаю. Может быть, стал инженером, может, водит трактор или добывает уголь, может быть, посвятил свою жизнь армии.

Мне часто приходится встречаться с пионерами, комсомольцами. И когда меня просят рассказать о гражданской войне, о боях Первой Конной армии, о настоящем героизме, я всегда вспоминаю Ваню и Михася, наших маленьких разведчиков и больших храбрецов. (В. КРЮЧЕНКИН генерал-лейтенант в отставке)

ТРЕВОЖНАЯ ЮНОСТЬ

(Ваня Воронин 1919)

Имя Вани Воронина тебе, наверное, незнакомо. О его подвигах знают лишь немногие жители города Георгиевска на Ставропольщине.

...Лето 1919 года. Деникинцы пытаются задушить большевистское подполье в городе. А тем временем штаб большевиков готовит восстание. Пятнадцатилетний паренек из рабочей слободки Ваня Воронин стал разведчиком. В его боевую тройку входили Ваня Снегирев и Сережа Привалов.

Во время подготовки к восстанию Ваня получил задание — раздобыть офицерский пистолет. Как его достать? На городском базаре Ваня заметил белого офицера, у которого поверх черкески в деревянной кобуре болтался кольт с серебряной рукояткой. Долго “охотился” мальчик за офицером, пока не отхватил кольт сапожным ножом. Белогвардеец хватился, да поздно. Тотчас началась облава, казаки оцепили базар, но колты так и не нашли.

Не раз юные подпольщики добывали оружие из георгиевского арсенала, работали связными, распространяли листовки.

Под видом беспризорника Ваня Воронин ездил за листовками в Армавир.

Когда белогвардейцы схватили комиссара Александра Володкина, Ваня проник в здание контрразведки и похитил папку с делом комиссара. В результате следствие продолжалось еще несколько месяцев.

Спустя некоторое время после этой дерзкой операции белогвардейцы напали на след юного разведчика. И вот вместе с комиссаром Володкиным в зал заседаний суда ввели парнишку. Они стояли рядом — хрупкий паренек и высокий человек с мужественным лицом. Их объединяла одна цель. И как ни бесновались враги, не сломали они воли героев...

Перед вступлением Красной Армии в Георгиевск белые вывезли комиссара, Ваню и других подпольщиков в ущелье недалеко от Махачкалы и зверски расправились с ними.

Так героически погиб пятнадцатилетний разведчик Ваня Воронин. (А. УЛЬКИН)

“ДА, Я КОММУНИСТ!”

(Ваня Карасев 1918)

В селе Марково Сосновской волости Пермской губернии в семье бедного крестьянина Петра Карасева в 1903 году родился сын Иван. Ване было только восемь лет, когда страшная нужда заставила его наняться на работу к богатым хозяевам.

После Октябрьской революции Ваня Карасев пошел добровольцем в Красную Армию.

В декабре 1918 года белые схватили Ваню. На допросе офицер грозно спросил Карасева:

— Ты коммунист?

— Да, я коммунист! — гордо ответил мальчик. Белые раздели юного коммуна- Стр. 9
ра догола, вывели на улицу в сорокаградусный мороз и начали бить прикладами и нагайками. Но мужественный мальчик не просил пощады. После пыток Ваню расстреляли. (А ТОДОРСКИЙ генерал лейтенант запаса)

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА КОЛЕСНИКОВО

(Коля Мяготин 1932)

Арина Мяготина, вдова красногвардейца, погибшего в гражданскую войну, жила в одном из самых бедных домов Колесниково — стареньком пятистеннике. Тяжело, очень тяжело было Арине! С трудом сводила концы с концами больная женщина, перебиваясь на небольшую пенсию.

Но вот в Колесниково организовался колхоз. Арина с радостью вступила в него. Теперь она не одна, не единоличница, не пропадет она с сыном.

Коля имел доброе сердце. Видит, как мать мается, и поэтому, как только выпадет свободная минутка, старается помочь ей. По утрам перед уходом в школу носит воду с озерца, собирает щепу на растопку, подметает двор. “Лежебокой парень не будет”, — радостно думала Арина.

Большим светлым праздником пришла в Колесниково первая колхозная весна.

В канун солнечного Первояма школу облетела радостная весть: третьеклассников будут принимать в пионеры.

В большую перемену мальчики и девочки выстроились в линейку. Всегда строгое лицо учительницы Александры Васильевны озаряла мягкая улыбка.

Перед классом стояли пять мальчиков и пять девочек, любивших, как все дети, игры и забавы. Но в этот миг они стали чуть старше, чуть взрослее.

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, — взволнованно начала Александра Васильевна, и детские голоса медленно повторяли за ней слова.

— ...Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины.

К каждому из десяти, стоявших плечом к плечу, подошла Александра Васильевна и повязала красный галстук.

И вот Коля — пионер!

И в этот вечер в горенке Мяготиных долго светился огонек маленькой керосиновой лампы: Коля писал письмо своему Другу Мише в детский дом (он жил там два года). Он рассказывал, как сегодня его приняли в пионеры, какая хорошая у них учительница Александра Васильевна и как они ездили в ночное и ходили на экскурсию на конный завод, как они помогли колхозному конюху Кузьме Матвеевичу вырастить кавалерийскую лошадь для Красной Армии и за это сам Буденный прислал им благодарность, как они будут собирать колосья, чтобы увеличить колхозный урожай.

Каждое лето Коля организовывал пионеров на сбор колосьев в поле, выпускал стенную газету, создавал пионерские посты по охране урожая. Не раз правление колхоза премировало его, им гордились комсомольцы, ставя его в пример всей сельской детворе.

Вот только Петька Вахрушев не хотел помогать колхозу. Он говорил: “Я не обязан, я не пионер”. Вступать в пионеры Петьке не разрешал брат Иван.

— Петь!.. — допытывался Коля. — А почему ты Александре Васильевне не скажешь, она поговорила бы с ним.

— Что ты? Он меня прибьет!

— А разве он тебя бьет?

— Чем ни попало... И мамка завсегда в синяках ходит.

— За что же он вас бьет?

— Да он завсегда пьяный! Кого хошь прибить может... Он и тебя...

— Меня?! — насторожился Коля, но Петька не ответил: он съезжился, боязливо озираясь.

Коля знал, за что ненавидит его старший Вахрушев. Коля был ездовым в бригаде Шушарина, трудился много, старательно, честно. Как-то мальчик задержался на току и пошел домой в темноте. Он сбился с дороги, долго блуждал в лесу, набрел на заброшенную коробейникову избушку и спрятался за толстой сосной. Совсем близко, в нескольких шагах, при свете луны он увидел смутно темневшие фигуры. Прислу-

шавшись, узнал скрипучий голос Ивана Вахрушева и хрипловатый бас Фотея Сычева. Стр. 10

— Как только Шушарин приехал на ток, я нарочно при всех колхозниках сказал: “Вот вороха с хлебом. Мне их сдавали без веса, и от меня принимайте на глаз”. Шушарин засмеялся. “Кабы и схотел украсть, не смог бы: в карманах, что ли, унесешь?” Я сел верхом и уехал...

— Молодец, Ванюха! А насчет телеги мы неплохо придумали. Никто не догадается, что в кустах она была схоронена...

— Хорошо ли мешки-то завязал?

— Не впервой... Ну, вот что, Иван, пора! Телегу-то заодно с хлебом продашь в Кургане, вернешься верхом, будто в больницу ездил... Ну, с богом!

Коля решил разоблачить Вахрушева и Сычева. Как-то, встретив Ивана у озерка, смело сказал ему:

— Знаю, как по ночам хлеб в колхозе воруете...

— Прикуси язык, Колька, не то худо будет! В озерке и утонуть не диво, — пригрозил Иван.

— Не запугаешь! — крикнул Коля. — Все равно вашу шайку выведу на чистую воду!

О многом он передумал после встречи с Иваном у озерка. Вспомнил о своем отце, который в молодости был батраком у

кулаков братьев Сычевых и погиб в борьбе за счастье народа.

Коля обо всем рассказал матери.

— Мама, ты представляешь, сколько они еще наделают вреда колхозу, если не сказать о них? Ведь нельзя молчать! Арина прижала к груди голову сына.

— Хоть и страшно мне за тебя, мой мальчик, ох как страшно, а отговаривать не буду... Не было в нашем роду трусов!

Ободренный матерью, Коля сообщил о проделках Сычева и Вахрушева сельсовету, послал заметку в районную газету.

Узнали об этом враги. Зашевелилось осиное гнездо. Сычев решил расправиться со смелым пионером, который не давал им покоя. Он разработал коварный план: использовать дружбу между Колей и Петькой Вахрушевым.

Однажды Петька, наученный братом и Фотеем, уговорил Колю пойти в лес за подсолнухами.

За далекой сельской околицей, на узенькой тропке подсолнечного поля встретились два врага: тринадцатилетний пионер Коля Мяготин и наемник кулаков Иван Вахрушев. Подкравшись, как вор, Вахрушев подошел к пионеру, и Коля у самых глаз увидел черное дуло ружья, а за ним искаженное звериной ненавистью лицо Вахрушева.

— Дядя Иван! За что?

— Сам знаешь, активист пионерский!

Вахрушев загородил узкую тропку и крикнул Петьке:

— Марш домой, да не оглядывайся!

Предвечернюю тишину пустынного поля разорвал выстрел берданки. Подсолнухи высыпались из детских рук.

Тяжело раненный, истекающий кровью Коля долго лежал на холодной земле. Петька, заведший его в ловушку, сбегал в деревню и сообщил брату, что Мяготин еще жив. На этот раз пришел Фотей с заряженным картечью ружьем и закончил кровавую расправу.

Это случилось 25 октября 1932 года.

Коля погиб на заре колхозного строительства. Ныне Колесниково — центр укрупненного колхоза имени Калинина, в котором объединились жители трех зауральских деревень. Золотом отливают пшеничные поля, и ветер с трудом колышет тяжелые колосья, налитые крупным спелым зерном;

на тучных пастбищах пасутся стада дойных коров, табуны лошадей, отары овец; за сельской околицей благоухает фруктовый сад. Богатеет, расцветает село Колесниково. И это является лучшим памятником Коле Мяготину, отдавшему свою короткую яркую жизнь за торжество колхозного строя. (С. Сухачевский)

МАМЛАКАТ

(Мамлакат Нахангова 1934)

Легко отрывается от бетонной дорожки “Ту-154”, взмывает вверх, открывая все расширяющуюся панораму Душанбе, долин и предгорий Таджикистана. Здесь, на взлетной полосе, когда-то было белым-бело от распустившихся коробочек хлопка. Прямо от кишлака Шахмансур начиналось поле колхоза имени Лахути, на котором Мамлакат Нахангова, одиннадцатилетняя пионерка, установила рекорд. В газетах печатали фотографии круглолицей улыбающейся девочки с косичками и орденом Ленина на груди, ее имя знала вся страна...

Мамлакат родилась в 1924 году, когда в Средней Азии еще бесчинствовали банды басмачей. И не случайно родители дали девочке имя, которое в переводе означает “страна”, вкладывая в него и свои надежды на лучшее будущее. Ныне (1985 г.) Мамлакат Акбердыевна Нахангова — доцент Душанбинского педагогического института, является членом республиканского комитета по зарубежным связям. Прошу ее вернуться к тем далеким дням, когда начиналась ее трудовая биография.

— В нашей семье одиннадцать детей было; все тяготы на плечи матери ложились. Жалели мы ее очень, старались помогать и по хозяйству, и на сборе хлопка. Поле чуть не от нашего порога начиналось. Собирали и сортировали хлопок руками, в фартуках относили. Взрослый за день приносил пятнадцать килограммов. Сорты не те были, что ныне, растения низкие. А нам, девочкам, удобно...

Бегали помогать родителям после учебы. Школа в старой мечети находилась, там же — и правление колхоза. Грамотным был только Шариф Муродов, бухгалтер-счетовод. Утром детей учил, вечером — взрослых. Сидели на земле, одним мелком писали слова. Приняли нас в 1934 году в пионеры. Узнали мы, что ребята постарше комсомольскую бригаду создали, и тоже решили по их примеру работать в поле сообща. Так возникло первое трудовое пионерское звено.

Я первой стала двумя руками собирать, по семьдесят — восемьдесят килограммов хлопка за день приносила. Взрослые к учетчику: “Обманываешь нас, девчонке столько пишешь”. По пятам за мной ходили, не верили, старики ворчали: “В ней нечистая сила”. Тумаков даже мне надавали однажды.

Упрямая я была, ничего не боялась. И вот митинг в колхозе, узнали все, что Алексей Стаханов, шахтер из Донбасса, нарубил за смену сто две тонны угля. Председатель попросил: “Выступи, Мамлакат”. Я и заявила тогда: “Берусь собрать за день сто два килограмма хлопка”. Смеются вокруг, а я задорно возражаю:

“Хлопок ведь легче угля...” Ну и собрала. В колхоз меня приняли, поздравляли. И к звену стали с уважением относиться...

Много раз бывала в Москве Мамлакат, но так уж случилось, что с А. Г. Стахановым встретила лишь в июле 1972 года. Съехались в столицу героини первых пятилеток — ткачиха М. Виноградова, комбайнер К. Борин, кузнец А. Бусыгин, свекловод М. Демченко, метростроитель Т. Федорова, трактористка Д. Гармаш... И Стаханов, взяв в широкие ладони ее пальцы, улыбаясь, спросил: “Такими вот ручонками ты гору хлопка собрала?” Мамлакат рассказала Алексею Григорьевичу, как много значил он для нее, какую роль сыграл в ее жизни.

В 1935 году передовых колхозников южных республик пригласили в Кремль. Из Москвы девчушка с орденом Ленина на теплой кофте — подарили ей, мерзла с непривычки — поехала в Ленинград. Встречалась со школьниками, рассказывала о своем звене и колхозе. Приглашали Мамлакат наперебой. Еще бы — первая пионерка-орденоносец! Вся страна о ней говорила...

Свой рассказ Нахангова закончила такими словами:

— Когда встречаюсь с юношами и девушками, думаю:

“Прекрасная смена у нас, и перед каждым — свое хлопковое поле”. (Г. ЯКОВЛЕВ)

ЗАЧИСЛЕН НАВЕЧНО...

(Витя Гурин 1929)

Трудолюбию и исполнительности Вити Гурина удивлялись не только учителя, но и все, кто его знал. Это был среднего роста мальчик, с серьезными чуть навывкате глазами.

Выдержанный, вежливый, тактичный — таким его помнят бывшие учителя и уче-

ники заводской семилетки № 2 города Донецка.

— Витюнчик, снова идешь? Скорей возвращайся, — просила его мама.

— У меня общественное поручение. Надо выполнить... Да ты за меня не волнуйся, все будет в порядке, — поправляя темно-синюю рубашку и пионерский галстук, отвечал сын.

— Господи, ты хоть галстук не надевай... — не успокаивалась мать.

— Что ты, мама! Это — рабоче-крестьянская кровь! Не сниму! — и Витя выбежал из комнаты.

Такой разговор состоялся между матерью и четырнадцатилетним сыном в 1929 году.

Тогда еще не было Дворца пионеров в городе Донецке, и к первомайской демонстрации дети готовились при заводских клубах, где они участвовали в кружках художественной самодеятельности.

Гурин был одним из самых активных пионеров. Он хорошо играл на гитаре, выступал в самодеятельном оркестре, а еще лучше рисовал. Особенно удачно выходили у него карикатуры на буржуев.

За это враги Советской власти ненавидели мальчика, видели в нем своего заклятого врага. Они подбивали против него хулиганов, и нередко всему отряду приходилось провожать Гурина домой.

Однажды, когда Виктор заканчивал карикатуру, к нему подошел неизвестный. Он внимательно посмотрел на рисунок, не торопясь, вытащил из кармана кусок резины и ударил ею Виктора по лицу.

— На резину, заклейте галошу, в которой утонут буржуи, — кинул он со злобой.

В тот вечер десять пионеров провожали Гурина домой. А на первомайской демонстрации ребята все-таки несли высоко над головами яркие и злые карикатуры на врагов Советской власти, нарисованные Виктором Гуриным.

Первомайская демонстрация произвела на Виктора большое впечатление.

— Простой народ — рабочие, шахтеры, вся колонна демонстрантов, — рассказывал он матери, — казались мне огромным кулаком, который раздавит врагов. Как дружно шли люди, как уверенно пели песни о революции! Никакие враги нам не страшны...

5 мая 1929 года был религиозный праздник — пасха. Виктор рассказывал в клубе детям о том, что религия — это обман народа, и призывал юных ленинцев всеми способами бороться против всяческих религиозных предрассудков.

Взволнованно, с большим подъемом выступал на этом вечере четырнадцатилетний пионер.

Несколько раз из зала звучали угрожающие выкрики хулиганов, но Виктор не обращал на них внимания.

Пришло время возвращаться домой. Товарищи хотели проводить его, но Виктор отказался.

Было темно, шел дождь.

Проходя одной из темных аллей сквера, он услышал свист. Не успел оглянуться, как финка врага глубоко вонзилась в спину. Сгоряча он пробежал еще несколько метров и упал мертвый. Перестало биться пламенное сердце юного патриота.

Похороны Виктора Гурина, на которые пришли рабочие, шахтеры, служащие, ученики всех школ, вылились в могучую демонстрацию против врагов Советской власти.

На втором этаже средней школы № 6 Донецка утопает в цветах большой портрет Виктора Гурина. Здесь когда-то учился этот бесстрашный пионер. По обе стороны портрета — знамена, сверху надпись: ПОМНИМ О ТЕБЕ, ВИТЯ. А под портретом читаем:

Виктор Гурин снова в нашем строю. Его убили враги Советской власти за то, что он был пионером. Его имя занесено навечно в списки пионерской дружины средней школы № 6. (Г.Мандзюк)

ФЛАГИ НА ОСОКОРЯХ

(до 1939)

Чудесный уголок Западной Украины! Покутьем называли его когда-то. Теперь это Ивано-Франковская область. В те дни, о которых идет речь в нашем очерке, на земле той правили польские помещики, а народ жил в рабстве и нищете. Трудящиеся Покутья мечтали о счастливой жизни, которая давно уже пришла к их братьям на Востоке. И не только мечтали — боролись. В первых рядах борцов были коммунисты и комсомольцы. Наравне со

На поляне среди вереска собрались четверо: Дмитрий Клим, Миша и два Ивана — Ткачук и Пасечняк.

— О том, что готовится первомайская демонстрация, вы все уже знаете, — сказал Дмитрий. — Так вот, комсомольцы решили и вам дать задание. Нелегко будет, но...

— Понимаем, выполним, — ответил Ваня Ткачук.

— Осокори у дороги знаете? — продолжал Дмитрий. — Привяжите на них вот эти красные флаги, — Дмитрий вытащил из-под полы сложенные полотнища и протянул старшему тройки. — Только действуйте осторожно.

Мальчики молча спрятали флаги на груди под рубашки...

А когда на Кобаки спустились сумерки, ребята собрались у могучего осокоря.

Вытащить флаг и привязать его к дереву нетрудно. Но тут, на верхушке осокоря, на ветру, когда полотнище норовит вырваться из рук, дело оказалось не таким уж простым.

Но вот все закончено. Миша в последний раз проверил, прочно ли держится флаг. Все в порядке...

Было три часа ночи, когда мальчики разошлись по домам.

А утром к осокорям под завывание сирен примчались полицейские машины. Полицейские попытались сразу же залезть на дерево — куда там! По гладкому стволу в сапогах и амуниции — трудновато. Долго искали лестницу. Когда, наконец, удалось добраться до первых веток, случилось непредвиденное — ветки сломались, и полицейские попадали вниз. Это Миша предложил, когда вешали флаг, подпилить нижние ветки.

Три дня развевались на осокорях пионерские флаги, а люди в Кобаках при встрече говорили друг другу: “С праздником вас, сосед; с праздником, друзья; с праздником вас, товарищи!”

ЛЕНЯ ЗАХВАТИЛ ВАЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

(Леня Голиков 1942/1943)

В этот день партизаны ходили в разведку на шоссе на дорогу. Выполнив задание, командир решил возвращаться в отряд. Он дал сигнал. Ленька тоже поднялся, но в этот момент увидел вдали немецкую легковую машину. Ленька лег за кучу щебня, приготовил гранату и стал ждать. Машина приблизилась, притормозила у мостика, и Ленька швырнул гранату. Граната ударилась в буфер, раздался взрыв. Машину подбросило, тряхнуло, и только по инерции она пробежала еще десяток метров. Ленька видел, как из машины выскочил немец, схватил пистолет-автомат, какой-то красный портфель и бросился в сторону от дороги. Гитлеровец заметил, как из-за груды щебня кто-то выбежал и в два прыжка очутился возле машины. А затем немец увидел, что за ним гонится какой-то мальчишка. Тогда он сделал несколько выстрелов. Ленька залег и продолжал стрелять лежа. А гитлеровец опять побежал. Расстояние до него увеличилось.

Уже целый километр гнался Ленька за убегающим врагом. Немец сбросил с себя белый китель, остался в темной сорочке, и целиться в него стало труднее.

“Только б хватило патронов, только б хватило!” — думал Ленька и бежал, бежал, что было мочи.

В его автомате оставался последний патрон. Гитлеровец убегал, продолжая отстреливаться. Ленька прицелился и выстрелил. Враг пошатнулся, сделал несколько неверных шагов и упал на землю. Ленька подбежал к убитому, взял портфель, автомат и, тяжело дыша, пошел обратно. Он подобрал по дороге белый китель и увидел на нем генеральские витые погоны.

— Эге! А птица-то, оказывается, важная, — сказал он вслух. Ленька явился в партизанский лагерь в белом генеральском кителе, генеральской фуражке и с красным портфелем под мышкой. Вид его был так уморителен, что грянул громкий хохот. А Ленька, сделав серьезное лицо, отрапортовал:

— Разведчик-партизан Леонид Голиков с задания прибыл... Портфель с документами генерала Василий Григорьевич повез в штаб бригады. В штабе поднялась суматоха. Срочно вызвали радиста.

— Ну, Леонид, молодец, — сказал Василий Григорьевич, когда возвратился из шта-

ба. — Такие документы и опытный разведчик раз в сто лет добывает. Про них сей- Стр. 14
час в Москву сообщать будут. Вот какие твои документы!

Вскоре из Москвы пришла радиограмма — предлагали представить к высшей награде всех участников операции по захвату важных немецких документов. В Москве еще не знали, что документы захватил один партизан и ему всего четырнадцать лет.

Так пионер Леонид Голиков стал Героем Советского Союза.

Но Ленке не довелось узнать о своем награждении. Он погиб в неравном бою под селом Острая Лука 24 января 1943 года.

Мать Лени, Екатерина Алексеевна, долго не знала о судьбе сына.

Но однажды в Лукино приехал курьер в военной форме. Он нашел Екатерину Алексеевну и передал ей большой пакет с сургучными печатями. В пакете лежала наградная грамота в малиновом кожаном переплете. В ней было сказано:

Герою Советского Союза ГОЛИКОВУ ЛЕОНИДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

За Ваш геройский подвиг в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и за особые заслуги в организации партизанского движения Ленинградской области Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 2 апреля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Курьер привез еще и письмо Екатерине Алексеевне от Михаила Ивановича Калинина:

Уважаемая Екатерина Алексеевна! По сообщению командования Ваш сын Голиков Леонид Александрович погиб за Родину смертью храбрых. За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками в тылу противника Президиум Верховного Совета СССР Указом от 2 апреля 1944 года присвоил ему высшую степень отличий — звание Героя Советского Союза. Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения, как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом. М. Калинин

Почти целый год боролся Леонид Голиков с фашистами. За это время он принимал участие в 27 боях, уничтожил несколько десятков фашистов, пустил под откос вражеский эшелон, подорвал два железнодорожных и двенадцать шосейных мостов, три склада с фуражом и продовольствием, девять автомашин с боеприпасами.

...В селе Острая Лука на месте, где шел неравный бой, в котором погиб партизан Леня Голиков, на пригорке против братской могилы выросла новая просторная школа. Пионеры приносят цветы на могилу маленького героя, который погиб в боях за Родину. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

А в селе Поле (1985 г.), где стоит новая двухэтажная школа, есть пионерский отряд имени Лени Голикова. На сборах вспоминают ребята о герое, слушают рассказы о его боевых подвигах. И каждому из них хочется быть таким же храбрым, отважным, каким был пионер-партизан Леонид Голиков. В городе Новгороде (1985 г.) есть улица, названная именем Лени Голикова, а в сквере, что находится против Дворца пионеров, ему воздвигнут гранитный памятник, который был открыт 18 января 1964 года к 20-й годовщине освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков. Леня изображен на памятнике с автоматом в руке. Народный мститель бдительно и смело смотрит вперед. Он стал навечно на свой пост. (Ю. КОРОЛЬКОВ)

ЛИСТОВКИ

(Валя Котик 1941/1943)

Короткими, частыми гудками зазвонил один из многочисленных телефонных аппаратов на столе у гебитскомиссара — аппарат, связанный с прямым кабелем немецкого генштаба Варшава — Берлин.

“Неужели и там уже известно об этом?” — со страхом подумал он, поднимая трубку.

Так и есть, из Берлина, из канцелярии самого шефа гестапо, запрашивали о том, какие меры приняты для наказания неизвестных лиц, путивших ночью под откос эшелон с отборными гитлеровскими солдатами.

Какие меры? Ворбсу не о чем было докладывать. Не сообщать же о том, что вот уже скоро сутки после крушения, а спасательные команды все еще продолжают вытаскивать из-под обломков вагонов трупы солдат и офицеров. Вот уже скоро сутки, как из Шепетовки на восток, на фронт не может выйти ни один эшелон.

Стр. 15
Следы партизан уводили в лес и там терялись. Так рапортовали Ворбсу вояки, посланные на розыски партизан. Они просто боялись сунуться в глубь леса, знали: от туда не унести ног.

Скоро полночь, а Ворбс все не уходит из своей канцелярии, листает доносы полицаев, допрашивает предателей-старост. Но и они ни о чем не могут рассказать фашисту. Они тоже, как и гитлеровцы, боятся высунуть нос из сел.

Среди ночи неслышная тень подкралась к дверям гебитс-комиссариата. И в то время, как часовой зашел за угол дома, на двери, рядом с объявлением о часах приема, появился еще один белый листок бумаги. Часовой не обратил на него никакого внимания.

А тень неслышно скользила дальше, от дома к дому. И на стенах то в одном, то в другом месте оставался белый прямоугольник бумаги. Из-за туч выглянула луна, и тогда стало видно, что быстрая тень — это фигура мальчика. Вот он завернул за угол, оглянулся по сторонам и, чтобы не скрипеть калиткой, перемахнул прямо через забор во двор перед небольшим домиком.

Сквозь плотно завешенное окно в одном месте чуть-чуть пробивался свет.

“Не спит”, — подумал мальчик и осторожно нажал на щеколду входной двери.

В коридоре он нагнулся, сунул оставшиеся в руках листки бумаги в ботинок и уж тогда шагнул в комнату.

Мать ждала сына.

— Где ты был. Валик?

— Так, гулял.

Мать вздохнула. Гулял... С тех пор, как пришли оккупанты, сын стал каким-то скрытным, у него появились тайны, секреты от нее, матери. Только однажды чуть приоткрылась завеса над неизвестными ей делами сына.

Валя как-то вечером принес домой несколько листков бумаги.

В комнате сидел хозяин хаты Радчук да еще Стратков и Лукашенко, которых подпольщики снабдили поддельными справками о досрочном освобождении из плена. Оба они теперь отдыхали, приходили в себя после долгих месяцев каторжной работы, голодовки.

Радчук цепко схватился за один из листков.

— Что это?

— А посмотрите сами хорошенько, — сказал Валик. Это были листовки, сброшенные с самолета и все до одной тщательно подобранные Валиком. Валя думал, что и Радчук так же обрадуется весточке с Большой земли, как обрадовались Лукашенко и Стратков, жадно прочитавшие листовку от начала до конца.

А Радчук не читал, все допытывался, откуда взял листовки, да сколько их, да куда спрятал.

Валик насторожился, примолк. Он еще нарисовал рядом с текстом карикатуру на Гитлера, потом сунул листовку в карман и отправился спать.

Разве мог Валя предположить, что негодяй Радчук наутро побежит в полицию докладывать о листовках, что он там сообщит о том, что Валя рисовал карикатуру на Гитлера?

Но, видно, у Валика уже начало вырабатываться чутье настоящего подпольщика. Рано поутру, чуть взошло солнце, когда Радчук еще не просыпался, он ушел из дому и спрятал в укромном месте солидную пачку листовок.

А в полдень нагрянули полицаи. Они перевернули в квартире все вверх дном, повели на допрос мать. До вечера они ее мучили там, но потом выпустили. А вот Васе Лукашенко вырваться из полиции не удалось. Его арестовали и направили на каторгу в Германию.

С тех пор Валик еще больше замкнулся в себе. И как ни старался Радчук что-нибудь разнюхать о его делах, чтобы доконать пионера и его мать, ему ничего не удалось узнать.

Листовки продолжали появляться на стенах домов Шепетовки. И матери Валика, Анне Никитичне, приходилось только догадываться, что это дело не проходило без участия ее сына.

Неизвестный, наклеивающий листовки, работал все более дерзко. Наутро в гебитс-комиссариате скандал. Вся Шепетовка смеялась над незадачливыми оккупантами, ко-

торые даже двери своей собственной канцелярии не смогли уберечь от листовок. Стр. 16
Куда уж им было бороться с партизанами, пускавшими под откос эшелоны.

А Валик, сунув руки в карманы, прохаживался по противоположной стороне улицы и с удовольствием наблюдал, как бегают полицейские, получившие за ротозейство нагоняй от Ворбса, как дюжий детина кинжалом соскабливал прочно приклеенную листовку.

Полицейские торопливо пробегали мимо вихрастого сероглазого мальчишки. Им было не до него. Им и в голову прийти не могло, что смельчак, наклеивший листовки на двери гебитс-комиссариата, смельчак, в поисках которого они сбились с ног, вот он, рядом ходит.

ЭТО БЫЛО НА СТАНЦИИ ОБОЛЬ

(Портновы Зина и Галя 1941/1943)

Дочки старого рабочего Кировского завода Мартына Нестеровича Портнова Зина и Галя поехали в июне 1941 года на каникулы в Белоруссию. Здесь их застала война.

Зина, ученица 385-й школы Ленинграда, установила через своего дядю Ивана Яблокова связь с партизанами. По их заданию она распространяла среди населения антифашистские листовки, собирала и пересчитывала оружие, оставленное во время отступления советских войск.

Вскоре на станции Оболь Витебской области подпольный райком партии создал нелегальную комсомольскую организацию “Юные мстители”. Большинство участников этой организации — ученики Обольской средней школы. Зину Портнову избрали членом руководящего комитета организации, а восьмилетнюю Галю назначили связной.

Около двух лет юные мстители вели мужественную борьбу против фашистских оккупантов. Они пускали под откос воинские эшелоны, разрушали железнодорожные линии, мосты и шоссе, взрывали водокачку, выводили из строя действующие заводы.

Работая официанткой в офицерской столовой, Зина, вместе с другими подпольщиками, отравила пищу — погибло свыше ста фашистов. Отважная комсомолка мстила врагу за горе и муки народа, за родной Ленинград, зажатый в кольцо блокады.

Помогала подпольщикам и Галя.

...Был тихий вечер. Солнце уже заходило, окрашивая в нежные тона легкие облачка в ясном небе. Когда совсем стемнело, в доме Володи Езовитова собрался комитет юных подпольщиков.

Возле дома, на завалинке, сидела, держа в руках куклу, Галя. Зина договорилась с ней, что в том случае, если появится чужой человек, Галя должна запеть “Во поле березонька стояла...”

Всматриваясь в темноту, Галя заметила, как к дому приближаются полицейские — братья Волковы, жившие на краю села.

Тоненьким, дрожащим голоском девочка запела под самым окном:

Во поле березонька стояла, Во поле кудрявая стояла...

В доме сразу затихло. Подпольщики по одному выбрались через сени в хлев, а оттуда — огородами в лес.

Полицейские подошли к девочке, которая задумчиво сидела на завалинке и напевала что-то себе под нос, немного постояли и, ничего не заподозрив, ушли.

Когда девочка вернулась домой, Зина обняла ее и поцеловала:

— Спасибо, Галочка. Вовремя предупредила. Галя очень обрадовалась:

— Я твоя помощница, — гордо сказала она сестре. Назавтра Зина встала спозаранку. Готовясь уйти к партизанам (гитлеровцы заподозрили официанток в отравлении офицеров), она должна была, по указанию комитета, немедленно передать в село Мастище мины, которые были у нее спрятаны.

— Галочка, вставай! — будила она сестричку. — Дело есть...

— Снова буду помощницей? — спросила Галя. Ей очень нравилась роль подпольщицы.

— Ага! Отнесешь эту корзину Марье Дементьевне. На дне лежат черные мячики, а сверху яички.

Галя уже знала, что это за мячики, и ни о чем не спрашивала. Девочка шла проторенной дорогой, думая о том, как бы скорее добраться до Мастища. Солнце грело не по-осеннему жарко, и Галя перешла в тень.

Вот уже видны крайние хаты села. Она ускорила шаг, но вдруг из переулка выскочил мотоцикл с коляской.

“Фашисты!” — Галя вздрогнула, будто кто-то толкнул ее в спину.

Заметив в руках у девочки корзинку, водитель затормозил. Он слез с мотоцикла, подошел к Гале и заглянул в корзинку.

— Яйки, яйки... гут,— обрадовался он, пытаясь залезть руками в корзинку. Галя почувствовала, что у нее от страха подкашиваются ноги. Она заплакала, прижимая к себе корзинку.

Пожилой солдат, который сидел в коляске, крикнул что-то водителю. Галя перевела это по-своему: “Не трогай!” — и еще сильнее начала плакать, умоляюще глядя на пожилого немца с нашивками на погонах. Водитель, отстав от девочки, сел за руль.

Прошел еще один день. Зина в обед принесла из сарая огромную банку с запаянной крышкой.

— Где бы ее, Галочка, спрятать? Долго сидели сестры, задумавшись. Посмотрев на Галины игрушки, разбросанные в углу, Зина предложила:

— А что Галочка, если я пошью тебе новую куклу? Девочка уже хотела возразить: “Вон сколько у меня игрушек”, но, увидев серьезное лицо Зины, согласилась.

— А играть с ней можно?

— Нет, Галочка. Мы зашьем в нее банку. Пусть валяется в углу. Только не трогай ее...

Вечером Зина, придя домой, посидела несколько минут молча, потом спросила:

— Как, Галочка, поживает наша кукла?

Сестры заглянули в угол: над горой игрушек была видна некрасивая кукла. А когда стемнело, Зина завернула мину в тряпку и понесла в Оболь.

Ночью пришли партизаны и забрали Зину и Галю с собой в лес. Шли целую ночь. Идти было трудно. А тут еще Галя поцарапала босые ноги — они были в крови. Она тихо плакала, но шла, через силу ступая по тропинке, покрытой сосновыми иглами. Зина попросила остановиться. Она перевязала Гале ноги, и они двинулись дальше. Утром добрались до партизанского отряда.

Зина стала бойцом в разведке, а Галю приняли помощницей санитарки. Она очень гордилась новой должностью.

После ареста некоторых участников организации (их выдал провокатор) командование партизанского отряда поручило Зине Портновой установить связь с теми, кто остался в живых. Разведчица успешно выполнила задание, но, возвращаясь, натолкнулась на вражескую засаду. Зину арестовали.

Фашисты зверски пытали ее, но она не выдала тайны организации. На допросе смелая девушка внезапным ударом головы выбила револьвер из рук начальника гестапо и выстрелила в него в упор.

Через боковую дверь Зина бросилась во двор, побежала к берегу речки, но ее догнали фашисты. Одного из них она убила. Нацелилась в другого, нажала спуск, но выстрела не услышала. Закончились патроны...

Зину схватили метров за пять от берега. Продержав ее больше месяца в тюрьме и ничего не добившись, гитлеровцы расстреляли юную патриотку.

За боевые подвиги Зине Портновой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Галя Портнова осталась жива и вместе со всем народом встретила Победу.

Так боролись с врагами нашей Родины ленинградские школьницы — сестры Портновы. Память об их героических делах и светлый образ бесстрашной комсомолки Зины Портновой будут жить вечно.

У шоссе на дороге — между Витебском и Полоцком — стоит высокий обелиск. На одной его стороне надпись: “Здесь, у Оболи, в 1942—1943 годах активно действовала подпольная комсомольская организация “Юные мстители”. На другой стороне обелиска высечены имена подпольщиков, погибших в борьбе с фашизмом. И первым стоит имя ленинградской комсомолки Зины Портновой. (Г. НАБАТОВ)

В КАМЕНОЛОМНЯХ

(Володя Дубинин 1941/1942)

Здесь мальчик обычно проводил свои летние каникулы, здесь он со своим двоюродным братом Ваней Гриценко и с другими ребятами играл в войну красных партизан против белогвардейцев. Ребята как-то уговорили Ивана Захаровича Гриценко сводить их в каменоломни. И там, глубоко под землей, пробираясь со свечами в руках по таинственным каменным галереям, мальчики увидели выцарапанную на камне звезду и под ней надпись: “Здесь в 1919 году жили и воевали за Советскую власть красные партизаны Старокарантинского отряда Никифор Дубинин и Иван Гриценко”. Словно замороженные, стояли тогда мальчишки перед этой памяткой о боевой молодости их отцов.

А теперь, придя в Старый Карантин, Володя увидел у входа подземной каменоломни автомашины, телеги, нагруженные ящиками, мешками, бочками. Все это спешно сгружали в черные недра каменоломни. Сперва мальчик решил, что под землей устраивают склад, чтобы уберечь продовольствие от наступающих немцев, но потом догадался, что дело тут посерьезнее. Гриценко был посвящен в тайну, но не раскрывал ее Володе. И не сразу удалось ему узнать, что под землей коммунисты организуют партизанский отряд. Володя бросился к Гриценко, стал упрашивать дядю похлопотать, чтобы его приняли в отряд.

Командир партизанского отряда, уходившего под землю, бывший моряк Александр Федорович Зябрев, хорошо понимал, какие жестокие испытания предстоят людям в каменоломне. Поэтому он зачислял в отряд только таких людей, в которых был уверен, что они могут выдержать любые трудности. Но, видно, Гриценко сумел рассказать о своем племяннике командиру. Зябрев поверил старому партизану и зачислил Вову Дубинина в отряд.

— Может быть, из него и разведчика придется сделать, — задумчиво произнес он.

— По-моему, из Вовки хорошего бойца выкроишь, — уверенно ответил дядя Иван. — Он из нашей породы.

Бои приближались, немцы были уже на пороге города.

6 ноября 1941 года, в канун Октябрьского праздника, партизаны услышали по радио голос Москвы. Каждый запомнил услышанные слова, как наказ Родины и партии: “Истребить всех до единого немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения”. Назавтра партизаны спустились в подземные каменоломни, где двадцать два года тому назад скрывались славные борцы за молодую Советскую власть.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей провел партизанский отряд под землей. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей пробыл с партизанами в подземной крепости Володя Дубинин. Узнав, что в каменоломнях скрываются партизаны, немцы всеми способами старались уничтожить маленький отряд. Партизаны отразили все попытки фашистов пробиться в каменоломни, уничтожили полтора гитлеровцев. Немцы бросали в каменоломни бомбы, пытались отравить партизан удушливыми газами, замуровать их заживо: все входы, все щели были залиты бетоном и заминированы снаружи. Но партизаны не сдавались. Они ушли на глубину до 60 метров. Отделенные шестидесятиметровой толщиной камня от всего живого, от света, от наземного воздуха, теряя счет дням и ночам, партизаны жили по точному трудовому расписанию, подчиняясь правилам боевой дисциплины. В свободные часы проводили военные и политические занятия, читали вслух книги, взятые с собой под землю.

Люди соскучились по звездам. Иногда ночью молодые партизаны подползали к открытому стволу шахты и тихонько любовались снизу крохотным клочком звездного неба, которое синело там, наверху. Но черная фигура немецкого часового заслоняла звезды, и при малейшей неосторожности сверху начинали сыпаться фашистские гранаты.

Немцы оцепили всю местность, обнесли ее колючей проволокой, заминировали все подступы. По приказу немецкого командования ни одна живая душа не смела появляться в этом районе. Но юный разведчик Володя Дубинин, два его товарища Ваня Гриценко и Толя Ковалев ухитрились пробираться на поверхность через потайные щели. Обнаружив эти входы, немцы и их замуровали. Осталась одна щель, совсем маленькая, через нее мог пробраться наверх только Володя. Он один ходил в разведку, доставляя партизанам ценные сведения.

Володя очень соскучился по матери и сестренке. Однажды он подкрался к окнам домика Гриценко и глянул через окно:

Увидел усталое, измученное лицо матери, увидел сестру; но помня долг разведчика и важность порученного ему дела, не сказал о себе, не позвал.

Однажды во время разведки Володя обнаружил тяжело раненного советского моряка и помог перенести его в каменоломни. В другой раз, когда Володя возвращался в отряд, оказалось, что немцы уже замуровали отверстие, из которого он выполз несколько часов назад. Долго ползал мальчуган по заминированным камням в нескольких шагах от немецких часовых, прежде чем отыскал другую лазейку.

Потом случилось так, что он, выбравшись на поверхность, разведал коварный план гитлеровцев, собиравшихся затопить каменоломни морской водой. Рискуя жизнью, Володя под самым носом фашистских часовых ухитрился проползти обратно в каменоломни и успел предупредить подземных партизан о страшной, губительной опасности. Партизаны бросились спешно возводить плотины в галереях. Был объявлен подземный аврал.

Всех свободных от дежурств и караулов партизан срочно направили в верхний ярус каменоломен. В полной тишине, стараясь не привлечь внимания немцев, которые орудовали над самой головой у партизан, устанавливая трубы, шланги и насосы, чтобы вода пошла в недра каменоломен, партизаны начали возводить из камня-ракушечника внутренние стены и перегораживать ими коридоры, которые вели к опасному сектору.

И вовремя! Каменные перегородки еще не были окончательно сложены, когда сверху через один из стволов, размурованных гитлеровцами, хлынула, шумно бурля, вода. Она быстро затопила верхнюю галерею, ударила струйками сквозь щели еще не зацементированных каменных стен. Высоко держа над головами шахтерские лампочки, по колена, а кое-где и по грудь в студеной воде, партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Всю ночь шла работа. К утру вода уже не проникала в нижнюю галерею. Но так как враги могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех подозрительных участках верхних галерей.

За двое суток все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом.

Когда опасность быть затопленными в каменном мешке миновала, партизаны — а их было свыше девяноста человек — вспомнили, что своим спасением они обязаны сметливости и бесстрашию Володи. Он подвергся смертельной опасности, когда днем, почти на виду у фашистов, пробрался назад в каменоломни, чтобы предупредить командование отряда о смертельной опасности, нависшей над людьми.

В последние часы тяжелого 1941 года, под самый Новый год, Володя Дубинин выбрался на поверхность, чтобы по приказу командира связаться с партизанами, засевшими в Аджимушкских каменоломнях, расположенных далеко от Старого Карантина.

Выйдя наверх, Володя неожиданно натолкнулся на красноармейцев и матросов, которые только что высадились десантом и освободили Керчь от фашистских захватчиков.

Эту ошеломляющую, радостную весть, которую партизаны под землей ждали, как земного света, как глотка свежего воздуха, принес в подземелье юный разведчик Володя Дубинин.

Советские солдаты и моряки помогли черным от копоти, полуослепшим от постоянной темноты людям выбраться на поверхность.

Володя отправился к матери, прицепив к поясу почти целый десяток гранат. Ему хотелось показаться матери и сестре во всей партизанской красе. Но когда прошла первая радость свидания, мать велела чумазому, закопченному герою прежде всего раздеться и хорошенько вымыла его в горячей воде.

После освобождения Керчи Советское правительство наградило юного разведчика пионера Володю Дубинина орденом Красного Знамени. В списке награжденных партизан он идет вторым — вслед за погибшим командиром отряда Александром Зябровым.

4 января 1942 года Володя добровольно вызвался помочь саперам, взявшимся за расчистку заминированных фашистами подступов к каменоломням. Здесь бесстрашного мальчика настигла смерть. Вместе с одним из саперов он подорвался на mine.

Володя Дубинин похоронен в партизанской могиле, неподалеку от каменоломен.

Вот чье имя носят школа в городе Керчи и улица, ведущая от горы Митридат к морю. О нем рассказывают и страницы книги Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. (Л. КАССИЛЬ, М. ПОЛЯНОВСКИЙ) Стр. 20

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ

(Вася Мирошкин 1942/1943)

В те дни, когда отряд С. А. Ковпака еще стоял в Брянских лесах, из села Воргола к нам пришел четырнадцатилетний Вася Мирошкин и попросил принять его в партизаны. Васиных отца и мать повесили фашисты. Сердце мальчика переполняла жажда мести. Я взял Васю к себе связным.

Смелый, смысленный, мальчик всегда точно и своевременно выполнял боевые задания.

Однажды, после боя под Бледчей, наши юные партизаны — Николаев, Семенистый, Руднев и Мирошкин — вернулись с крупной “добычей”.

Кто-то крикнул:

— Гляди, ребята пленных привели!

Партизаны были поражены смелостью юных разведчиков: мальчики взяли в плен пятнадцать немецких солдат.

Это не шутка! Внимание всех привлекла одна курьезная деталь — все пленные поддерживали руками штаны. Фашисты стояли пристыженные, хмуро опустив головы.

На наш вопрос, что это значит, Семенистый ответил:

— Мы срезали им на штанах все пуговицы.

— Кто из вас это придумал?

— Я, — ответил Семенистый.

— Для чего вы это сделали?

— Откровенно говоря, мы были не совсем уверены, что сможем довести сразу пятнадцать человек. Они могли сговориться и наброситься на нас. Вот тут я и вспомнил про этот самый способ.

— Остроумный способ! Но как вам удалось заставить таких здоровил пойти на это?

— В том-то и дело, — оживился Вася Мирошкин. — Они бы ни за что не согласились, если бы мы делали это открыто. Мы выводили их поодиночке в укромное место и там отрезали пуговицы. Только когда мы снова собрали их вместе, они все поняли и очень злились, ругались, но ничего уже не могли сделать: руки у них были заняты.

Крестьяне нам сообщили, что в соседнем селе стоит вражеский гарнизон. Я вызвал Васю Мирошкина.

— Попропись в зону обороны врага и узнай о его силах.

— Есть, товарищ командир!

— Тебе не страшно? — спросил я Васю.

— Нет, товарищ командир.

Через несколько минут мальчик бежал в сторону соседнего села с гусем под мышкой. На следующее утро Вася появился в конце длинной широкой улицы. Он летел, как птица.

— Вася идет! Вася вернулся! — радостно приветствовали его партизаны.

— Гляди, ребята, гуся своего он продал, — сказал кто-то.

— Интересно, за сколько ты его продал? Не продешевил ли, браток? — шутили партизаны.

Не отвечая на шутки товарищей, маленький разведчик подошел ко мне и доложил:

— Задание выполнено, товарищ командир.

— Молодец, Вася! Ну, рассказывай, что ты узнал, много ли там гитлеровцев?

— Человек четыреста-пятьсот. Я видел их артиллерию, прикрытые брезентом орудия стоят на улице, по селу все время ходят солдаты. Крестьянские дворы забиты автомашинами. Гитлеровцы силой отбирают у крестьян продукты.

— От кого и как ты узнал численность вражеского гарнизона? — спросил я у мальчика.

— Крестьяне жаловались: “Мы не можем прокормить гарнизон из пятисот человек”.

— Гуся продал выгодно?

Мальчик нахмурился, глянул исподлобья и еле слышно пробормотал:

— Отняли у меня гуся, проклятые!

— Кто отнял?

— Гитлеровец вырвал из рук. Он сначала начал щупать гуся, а потом замахнулся, закричал: “Цурюк, цурюк!” — и изо всех сил меня толкнул, а сам пошел дальше. Я побежал за ним, начал плакать. Он так меня саданул, что я чуть не упал в канаву.

— Не горюй, Вася, — сказал я, — военному человеку, да еще партизану, не гоже расстраиваться из-за какого-то там гуся! Стыд и срам тому солдату, который отнял гуся у беззащитного мальчика.

Как-то после боя в селе Шелячи мы преследовали отступающего врага.

Гитлеровцы, не успевшие бежать, спрятались по хлевам и курятникам и, затаившись, сидели там часами. Вася бегал от одного курятника к другому и кричал:

— Здесь он, смотрите, куда залез! Ну-ка, выходи, выходи! — и направлял на врага автомат.

— Вася, — предупредил я Мирошкина, — ты сегодня слишком много бегаешь, смотри, будь осторожней!

— Есть быть осторожней! — весело ответил Вася и побежал вдоль улицы.

Через несколько минут в конце села началась перестрелка. Я пошел на выстрелы.

— Что случилось? — спросил я товарищей и увидел, что к нам направляется несколько партизан. Они несли кого-то на шинели.

— Васю нашего убили, товарищ командир!

Смотрю, действительно, он, мой Вася, мой верный связ-

ной. Чувствую, у меня ни кровинки в лице не осталось, к горлу подступили рыдания. Я снял фуражку.

Оказывается, на чердаке одной хаты засел гитлеровец. Когда Вася проходил мимо, тот выпустил по мальчику автоматную очередь.

Я попробовал найти пульс — никаких признаков жизни. Каких-нибудь полчаса тому назад как раз там, где сейчас лежало его тело, он прыгал, смеялся, жизнерадостный, полный сил.

Весть о гибели Васи вмиг облетела все соединение. Партизаны глубоко переживали смерть своего любимца.

Васю похоронили вблизи штаба, под высокой сосной, с партизанскими почестями; На могиле поставили деревянный памятник с надписью: Здесь похоронен маленький ВАСЯ МИРОШКИН, связной партизанского соединения имени Ковпака (Л. БАКРАДЗЕ)

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

(Муся Пинкензон 1942)

На Кавказской шла посадка. В вагон входили транзитники из Ставрополя, местные станичники, командированные, которых в эту хлопотливую уборочную пору немало бывает в кубанских станицах. Мимо нашего купе проплывали огромные чемоданы, сетки с душистыми яблоками, озабоченно сновали пассажиры, потому что невозможно проехать мимо Кавказской, чтобы не купить огромный арбуз или ароматные дыньки.

В дверях нашего купе показался инвалид. За плечами у него — армейский вещмешок, в руке — новенький чемодан.

— Вот что, товарищи, — усаживаясь рядом с нашим попутчиком-студентом, сказал мужчина, — уж не взыщите. Кого-нибудь из вас я побеспокою. Неловко мне на верхней полке своей культей махать.

— Пожалуйста, папаша! — засуетился студент и начал перекидывать свои пожитки.

Поезд тронулся. Пассажиры угомонились. Проводница постелила инвалиду постель, и он, покончив со своими дорожными делами, заскучал.

— Ты, молодой человек, никак студент? — повернулся инвалид к нашему спутнику.

— Студент.

— Домой или из дому путь держишь?

— Из дому. К старикам в Туапсе ездил. !

— А учишься где?

— В Москве.

— В Москве — это хорошо! — одобрил инвалид. — Вот я тоже в Москву еду. Хоть рассмотрю ее по-настоящему. А то в сорок первом, когда эта самая петрушка со мной приключилась, — он показал на деревянную ногу, — что там можно было увидеть? Эва-

копоезд, вокзал. На автобусе два раза по каким-то улицам провезли. Вот и все. А ^{Стр. 22}
потом дальше, в Горький. Ну, теперь-то я свое возьму!

Мужчина расстегнул пиджак, отколол от бокового кармана булавку и достал сложенную втрое бумагу.

— Вот, по путевке еду. От артели. На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Все как полагается.

Он принялся рассматривать документы.

В купе стало тихо. Ровно стучали колеса.

За окном до самого горизонта дрожало в мареве иссушенное солнцем и ветрами жнивье. Курились пылью степные дороги. Только изредка на желто-серой равнине горбились огромные скирды прошлогодней почерневшей соломы.

Инвалид щелкнул прокуренным ногтем по путевке и, словно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Электростанциями интересуюсь. Моторист я. — И, помолчав, обратился к студенту: — А ты, молодой человек, если не секрет, какой специальности обучаешься? Не по моторам, часом?

— Да нет, редкая у меня специальность, — почему-то смутился студент. — Я в консерватории учусь. По классу кларнета. Это такая труба... вроде рожка...

— Так ты же, сынок, хорошему делу учишься, а будто стыдишься. Людям без музыки никак нельзя. Эх ты, чудак-человек! Я-то всюду свою музыку вожу. — Мужчина проворно повернулся к новенькому чемодану. — Если, конечно, не возражаете...

В чемодане рядом с домашними ватрушками и банкой масла, завернутая в пеструю ситцевую тряпицу, лежала скрипка. Мужчина развернул ее, обтер и приложил к подбородку.

— Вот, скажем, вальс у меня любимый, — произнес он мечтательно и занес смычок.

По вагону поплыли, заплескались “Дунайские волны”. В наше купе уже заглядывали пассажиры. Инвалид преобразился: его лицо то хмурилось, то освещалось улыбкой.

Вдруг он опустил смычок и обернулся виновато к проводнице:

— Может, нельзя? Беспокойство пассажирам?

— Играйте, пожалуйста! Какое же от музыки беспокойство. Мы слушали “Лунную сонату”, “Жаворонка”, “На сопках Маньчжурии”.

— А инструмент-то у вас старенький, — заметил студент, когда попутчик опустил скрипку на колени. — Вот в Москву едете, новую бы купили.

— Нет, парень, я ее ни на что не променяю. Это о человеке память. Видишь, пулей пробита. Залатал, зашпаклевал... Все по очереди рассматривали раненую скрипку.

— С сорок второго года она у меня.

И наш новый знакомый рассказал историю этой скрипки.

— Вот в таком виде, — рассказчик кивнул на свою деревяшку, — выписали меня из госпиталя. А родом я из-под

Усть-Лабинска. А тут враг под Миллеровом прорвался. Да как стал жать! Через Шахты, через хутор Веселый, через Пролетарскую на Краснодар да на Кавказскую как повалит!.. Места ровные. Нашим зацепиться негде. Сушь. Дороги накатаны. Вражьи танки так и пылят.

У нас в Лабе эвакуация началась. А мне-то как на одной ноге от танков прыгать? А они тут как тут. На броне львы да слоны намалеваны. Пехота ж вступила — срам один. Солдаты в коротких штанишках. Волосатые ноги так и мелькают. Из Африки войска-то были. Как по ихнему радио передавали, “доблестного фельдмаршала Роммеля”. Глядим, свеженькие. Видно, не шибко давал им англичанин “прикурить” в этой самой Северной Африке.

Сразу приказов на заборах понаклеивали: большевикам, дескать, комиссарам и командирам явиться на сборные пункты, евреям — на регистрацию. Много еще всякого понаписывали:

больше трех человек не собираться, после десяти часов на улицах не появляться. И что ни приказ — все словом “расстрел” кончается.

Ну и, конечно, началось. Что ни день, только и видишь: то одного, то другого в гестапо волокут. По странице пальба идет. Уцепится баба за своего гуся, не дает мародеру, а тот чесанул из автомата и пошел. Да что там! Один мальчонка змея из ихней листовки склеил, так и мальчонку, и мамашу на месте убили.

Так вот об этой самой скрипке... Работал в нашей станичной больнице хирург Пинкензон. Хороший был человек. Прямо сказать, безотказный. В ночь-полночь приходи — примет. Все его знали у нас. Кому язву желудка вылечил, кому аппендицит. А сколько мальчишек через его руки прошло! Не счесть! Один на бутылочное стекло напоролся, другого ногу сломать угораздило, третий рогаткой добаловался.

И вот по станице слух прошел, что арестовали Пинкензона. Говорили, что привезли его в штаб и приказали, чтоб он их раненых лечил. А Пинкензон отказался. “Не буду, — говорит, — у вас доктора есть. У меня своих больных полно”.

Как-то утром бегут по дворам полицаи и приказывают на площадь идти.

Согнали нас. На площади виселица стоит. Вокруг фашисты расхаживают, зубы скалят.

Потом, слышим, по толпе покатилося: “Ведут! Доктора ведут!” Гляжу — идет под охраной Пинкензон, а рядом сынишка его, Муся, мальчонка лет четырнадцати. Справненький такой, волосы челочкой пострижены, черная курточка бархатная на нем.

Шум по станице пошел. Ну, доктор лечить фрицев отказался, а мальчонку-то пошто убивать? А тут бабы и говорят, будто пришли Пинкензона забирать, увидели мальчишку и за-

галдели: “Этого щенка тоже повесить надо: наверное, пионер!”.

Словом, ведут их. Толпа расступается. Пинкензон голову высоко держит. А мальчишка, представляете, вот с этой самой скрипкой идет.

Привели. На помост поднялся сам оберст. Достал бумагу и стал читать по-немецки. А полицаи переводит: “Казнить врача Пинкензона как большевика и саботажника”.

Оберст кончил читать и что-то солдатам крикнул.

Тут мальчонка, этот самый Муся, к нему обращается по-немецки.

Учительница рядом со мной стояла, перевела: “Господин полковник, разрешите мне перед смертью сыграть на скрипке”.

Оберст улыбнулся: “Коль в тебе такая блажь завелась, играй”.

Муся взял первую ноту, а у самого губы дрожат. По началу я не догадался, что он играет. А как несколько раз по струнам прошел, понял: “Интернационал”.

Оберста аж передернуло.

— “Свинья! Щенок!” — завопил фашист и бросился к мальчику.

Но Муся, не отрывая взгляда от толпы, все играл. Станичники подхватили мелодию. Сначала чуть слышно, потом все громче над площадью зазвучал “Интернационал”.

Оберст выхватил пистолет и выстрелил в мальчика. Тот покачнулся, но продолжал стоять. Оберст выстрелил еще раз. Муся упал, а его скрипка скатилась с помоста к моим ногам. Я схватил ее и спрятал под пиджак.

Толпа продолжала петь. Разъяренные гитлеровцы бросились на людей. Поднялась стрельба...

— С тех пор я играть научился, — закончил свой рассказ инвалид. — Сначала “Интернационал” подобрал...

Стало тихо-тихо. В дверях купе столпились пассажиры. Студент бережно, как живое существо, взял из рук инвалида скрипку и передал ее соседу. Раненая скрипка переходила из рук в руки... (В. ВЕЛИКАНОВ)

ГЕРОИ РЯДОМ

(Анатолий и Вадим Гороховские 1941/1944)

Невысокого роста плотный человек смотрит на струйку живого металла. Стены цеха освещены ярким сиянием, и люди, работающие здесь, кажутся персонажами волшебной сказки. О чем думает сейчас этот человек? Он — литейщик, руководит бригадой коммунистического труда на прославленном киевском заводе “Арсенал” имени В. И. Ленина. Может быть, он думает о работе бригады, может быть, о встрече с пионерами, у которых он с братом Вадимом, работающим рядом, частый гость...

Назовите его героем — и он удивится. И он, и его брат просто делали то же, что и многие их сверстники и друзья...

1941 год. Бои на окраинах Киева. Вместе с бойцами — братья Анатолий и Вадим Гороховские. Они помогают советским воинам, чем только могут: приносят еду, воду, перевязывают раненых.

На киевской земле хозяйничает враг. Аресты. Расстрелы. Голод. Ждать, пока кто-то

Стр. 24
принесет тебе свободу? Нет! Несколько мальчишек с улицы Чапаева собирают и прячут оружие. Среди них Анатолий и Вадим. Они еще не знают, как связаться с подпольщиками или партизанами, но одно для них ясно — оружие пригодится,

Как-то во двор зашел фашистский офицер и полез в подвал, где ребята прятали свои трофеи. Заметив в темноте Анатолия, он крикнул злобно: “Что это, здесь партизаны?” и, угрожая мальчику пистолетом, приказал вести его в глубь подвала, чтобы посмотреть, нет ли там действительно партизан.

Как раз в этот момент в подвал забежал Вадим, который снова принес сюда оружие. От неожиданности и страха мальчики замерли. Нависло тревожное молчание... Но уже в следующее мгновение...

Вадим не мог бы потом сказать, о чем он тогда подумал, только помнит, как изо всех сил ударил фашиста по голове. Тот взмахнул руками и мертвым свалился на землю. Так он, четырнадцатилетний мальчик, впервые в жизни поднял руку на человека. Нет, не на человека — на фашиста.

Тем временем с мальчиками познакомился участник подполья Федор Молчанов. Братьям казалось, что встреча с ним и знакомство были случайными. А в действительности Федор давно присматривался к ним и понял, что на этих школьников можно положиться. Не подведут. По его заданию мальчики расклеивали в городе листовки, в которых коммунисты-подпольщики призывали население к борьбе с фашистскими палачами.

Братья продолжали собирать оружие и намеревались уйти в партизаны. Но они решили перед тем, как это сделать, уничтожить эсэсовского генерала. Ко всему приглядываясь, они обратили внимание, что генерал вечерами подолгу сидит один на скамейке под ветвистым каштаном, в парке напротив их двора.

Генерал был им хорошо известен: это по его приказу вешали и расстреливали советских людей. Уничтожить... но как? Стрелять нельзя. План возник довольно быстро, оставалось решить, кто из двух братьев возьмет на себя главную роль. Вадим уже отличился, и Анатолий предлагает себя. Он горячо доказывает свое право, так как принят именно его план. И, кроме того, он ни капельки не боится.

Близился вечер. Длинные тени деревьев легли причудливым кружевом на дорожки парка. Было тихо и тревожно. Мальчики перебрасывались мячом, внимательно наблюдая за парком и улицей. Вот появилось несколько офицеров гестапо и скрылись за углом. На улице — никого, в парке — тоже. Пора! Генерал сидит один.

Мяч, пущенный сильной рукой, катится к скамейке, на которой сидит фашистский генерал. Маленький Толя мчится за ним, наклоняется и поднимает обломок трубы, заранее положенный под скамейку.

...Все казалось просто и легко, следует размахнуться и ударить по голове. Мысленно Толя уже сотню раз выполнял эту, казалось бы, несложную операцию. А сейчас внезапно ноги стали будто бы ватными, холодный пот прошиб его с головы до пят, а сердце начало куда-то проваливаться... Сколько прошло времени, мальчики не знали. Вадим до боли закусил губу. Хотелось крикнуть: “Ну, бей же! Чего ворон считаешь?” Где-то слышались шаги. К дому пробежал вестовой.

Генерал шевельнулся.

— Ну!

Крепко зажмурившись от страха, ничего уже не чувствуя, Толя ударил его трубой по голове... Ждал выстрелов, криков, топота ног... Ничего. Генерал закинул лысую голову и сполз со скамьи. Минута — и из вывернутых карманов мундира взято оружие, документы. Братья отодвигают чугунную крышку канализационного люка. Еще минута — и эсэсовец исчезает под землей, а мальчиков как ветром сдуло.

Через несколько дней Толя и Вадим проводят смелую операцию, чтобы достать оружие для подпольщиков Киева.

Недалеко от дома, где жили братья Гороховские, находился занятый фашистами особняк. Из дома и в дом часто носили ящики с оружием. Это заметили Вадим и Анатолий. Воспользовавшись минутой, когда охрана чем-то отвлеклась, Анатолий по водосточной трубе поднялся на второй этаж и через окно залез в комнату. Не теряя времени, он опустил на веревке Вадиму ручной пулемет, потом взял несколько гранат и офицерский мундир.

Остаться в городе было уже опасно. Три дня, голодные и уставшие, бродили они по

лесу и искали партизан. С собой они взяли ручной пулемет, который сумели пронести завернутым в одеяло через весь Киев. Долго пришлось упрашивать, чтобы их взяли в отряд. Дело решил командир партизанского отряда Яков Мефодьевич Кузнец, который уже слышал о мужестве и отваге братьев.

Мальчигов часто использовали как разведчиков. Приходилось им бывать в оккупированном фашистами Киеве, связываться с коммунистами-подпольщиками...

Прошло лишь несколько дней после того, как отряд киевских партизан влился в партизанское соединение, которым командовал генерал-майор М. И. Наумов, а Михаил Иванович уже заприметил Толю Гороховского, бесстрашного разведчика и минера.

Партизанам крайне необходимы были мины. На фронт шли вражеские эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами, живой силой. Изготавливать мины было не из чего. Но в районе действия партизанского отряда находились военные объекты, на подступах к которым немцы создавали минные поля. Казалось бы, нехитрое дело — отыскать мину, обезвредить ее, принести “адскую машинку” в отряд, а потом поставить в другом месте. Но делать это надо было незаметно, среди бела дня, голыми руками.

И взялись за дело Толя и Вадим. Десятки раз выходили они на поиск и стали опытными саперами и минерами. Затем дороги братьев разошлись — командир направил Вадима в другой отряд.

Ночные рейды, стремительные прорывы, блеск оголенных сабель и смертельный ужас в глазах фашистов. Генерал впереди всех. Анатолий старался держаться поближе к нему.

Не только за личную храбрость любил он генерала, но и за его умение перехитрить фашистов. То переодевались передние конники во вражескую форму и переходили усиленно охранявшийся мост, то соединение перебиралось через реку вброд и ударяло по тылам фашистов, ожидавших партизан совсем в другом месте...

Незадолго перед приходом советских войск Толя вместе с другими партизанами взорвал мост через Ирпень.

Братья встретились в освобожденном от фашистов Киеве. Шел набор на курсы десантников. Братья отправились туда. Вадима зачислили. А Анатолий? Трудно было узнать в нем бесстрашного партизанского разведчика и минера. Анатолий

Гороховский горько плакал и не вытирал слез. Не помогли и боевые медали. “Довольно тебе воевать — иди учиться”, — сказал ему председатель приемной комиссии.

Идут бои, наши войска продолжают наступление, друзья-партизаны перешли линию фронта и снова громят врага, а он должен спокойно в тылу дожидаться окончания войны! Но ведь он умеет воевать, он солдат. У него немалый военный стаж — целых два года! Два года боевого стажа у пятнадцатилетнего мальчика!..

Как Анатолий уговаривал начальника штаба украинских партизан генерала Строкача, — неизвестно, но тот собственной рукой подписал приказ, и юный герой снова очутился в тылу врага.

Отряд десантников успешно выполнил несколько ответственных боевых заданий: взлетали на воздух мосты, взрывались склады с горючим. Но каратели напали на след отряда и начали преследовать десантников. Неся большие потери, отряд пробивался к линии фронта. Бойцов осталось совсем мало. Не было продовольствия. Кончились боеприпасы. Три дня пытались перейти к своим, и все неудачно...

Толя поднялся в полный рост и направился к нашим окопам. Его примеру последовали еще трое подрывников — все оставшиеся в живых. Ни фашисты, ни наши не поняли, что это значит. И только когда десантники были в нескольких шагах от советских бойцов, фашисты опомнились и подняли стрельбу. Но было уже поздно...

Снова среди своих. Теперь Анатолий стал солдатом, надел красноармейскую форму и пошел с наступающей армией. Видел руины больших городов и пылающие села, повешенных детей и расстрелянных женщин. Испытал тяготы войны и радость победы. Самые счастливые минуты пережил, когда увидел в Берлине, над рейхстагом, красное знамя...

Теперь (1958 или 1985) Анатолий Александрович и Вадим Александрович Гороховские — литейщики завода “Арсенал”, “гвардейцы огненного фронта”, как называют их в коллективе. Рядом с боевыми они по праву носят и трудовые награды. (К. ВАХЛИС, А. ПИЩАНСКИЙ)

(Валя Иванова 1942/1945)

Захватив Керчь, фашисты пытались массовыми убийствами запугать и покорить советских людей. “Чтобы в корне подавить недовольство, необходимо по первому же поводу незамедлительно предпринять наиболее жестокие меры... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в оккупированных странах абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости”, — писалось в гитлеровских инструкциях для фашистских головорезов, временно захвативших наши города и села.

Осуществление плана уничтожения жителей Керчи взял на себя начальник гестапо Гельдман. Свои чудовищные зверства фашисты начали с отравления 245 детей. Всем ребятам школьного возраста было приказано явиться в школу. Под предлогом прогулки их отправили за город и там накормили отравленными пирожками. В течение 20 минут дети были умерщвлены, школьников старших классов палачи вывезли на грузовиках и расстреляли из пулеметов в восьми километрах от города. Местом массовой казни мирного населения гитлеровцы избрали противотанковый ров в поселке Багерovo. Здесь они в течение нескольких декабрьских дней 1941 года расстреляли более семи тысяч человек.

Когда началась Великая Отечественная война, Вале Ивановой было двенадцать лет. Весной 1942 года советские войска оставили Керчь. Переправа войск через Керченский пролив была чрезвычайно тяжелой. Вражеские самолеты беспрерывно бомбили город и море. На одном из понтонов отходил со своей частью отец Вали. Вдруг из толпы выскочила босоногая девчонка и в пальто бросилась в море. Вымокшая до ниточки, стояла Валя среди бойцов. Отцу пионерка заявила: “Я воевать буду, бить врага”.

Она прибавила с согласия отца. к своему возрасту два года, и по его просьбе двенадцатилетняя керчанка Валя Иванова была зачислена на должность санинструктора в батальон, которым в скором времени стал командовать ее отец Иван Федорович Иванов.

На войне взрослеют быстро. Валя перевязывала раненых, переправляла их в тыл. Не один раз, открыв глаза, бойцы спрашивали: “Как твое имя, девочка? Запомню на всю жизнь”.

Ей пришлось многому учиться, и все же девочка в тринадцать лет стала квалифицированной сестрой хирургической

группы. В это время в медсанбате находился на лечении ее отец. Он говорил с ней, как с равной.

— Ты должна Валя, остаться живой, вернуться и найти маму, я верю, что она не погибла, — говорил Иван Федорович.

— Папка, мы должны вместе вернуться! Что мы с мамой будем делать без тебя?

И все же Валя осталась без отца. Он погиб смертью храбрых.

Когда наступление, в медсанбате не спят по несколько суток. Хирург видел, как Валя кусала губы, чтобы не заснуть, не упасть при операции, и он говорил ей:

— Иди, поспи два часа.

Больше операционной сестре он не мог дать отдыха. Она уходила из операционной и шла в палаты, переполненные ранеными.

Затем, возвратившись в операционную, переливала кровь, ассистировала хирургу при сложнейших операциях. Фронтовые будни складывались в месяцы, годы. Дивизия шла в наступление, и вместе с ней прошла весь воинский путь и девочка Валя Иванова — Северный Кавказ, Никополь, Николаев, Днепр, Белоруссия, потом — Польша и, наконец, Берлин. В 1945 году ей исполнилось шестнадцать.

Когда Валя возвратилась в родную Керчь, мать с гордостью показывала соседям, знакомым и друзьям ее гимнастерку с медалями: “За боевые заслуги”, “За оборону Кавказа”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.”, а дочь говорила:

— Ну, что ты, мама, не надо.

Но не могла иначе мать, ей казалось, что это и ее награды — за терпение, за веру, за мужество, которые она проявила, как и тысячи других матерей.

...Валя сидела, оглушенная мирным покоем, а перед глазами были лица подруг, командиров, звучала в ушах любимая мелодия “В лесу прифронтовом”, и мысленно она была еще там, на фронте.

И вспомнилось ей почему-то только самое радостное. Это потом она ночью бу- Стр. 27
дет просыпаться, дрожа в страхе и изумляясь, почему ее не убило тогда под Берлином, когда ринулся с неба на палатку с красным крестом “мессер” и пулеметная очередь перерубила палатку пополам. И еще плакать будет от жалости, вспоминая слепого летчика, умирающего корреспондента и других раненых. И убитого отца.

А в тот день воспоминания были радостными. На войне какая радость была? Город освободили — радость, встретились с друзьями после недолгой разлуки — радость, поправился раненый — радость.

Потом, через годы, будут другие радости — свадьба, рождение дочери, любимая работа.

Вот (1958 или 1985) уже много лет Валентина Ивановна Балионова работает медсестрой в 1-й больнице города-героя Керчи. Но для старшего сержанта медицинской службы комсомолки Валентины Ивановой самой необъятной и всепоглощающей радостью была Победа. (А. МАРЧУК)

ШКОЛА В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЕ

Увязая в топком болоте, падая и снова поднимаясь, мы уходили к своим — к партизанам. В родном селе лютовали немцы.

И вот целый месяц немцы бомбили наш лагерь. “Партизаны уничтожены”, — послали они, наконец, донесение своему верховному командованию. Но невидимые руки снова пускали под откос поезда, взрывали склады с оружием, уничтожали немецкие гарнизоны.

Лето кончилось, осень уже примеряла свой пестрый, багряный наряд. Трудно нам было представить сентябрь без школы.

— Я вот какие буквы знаю! — сказала как-то восьмилетняя Наташа Дрозд и вывела палочкой на песке круглое “О” и рядом — неровные ворота “П”. Ее подружка нарисовала несколько цифр. Девочки играли в школу, и ни та, ни другая не замечали, с какой грустью и теплотой следит за ними командир партизанского отряда Ковалевский. Вечером на совете командиров он сказал:

— Ребятишкам школа нужна... — и добавил тихо: — Нельзя их лишать детства.

В ту же ночь на боевое задание вышли комсомольцы Федя Трутенько и Саша Василевский, с ними Петр Ильич Ивановский. Вернулись они через несколько дней. Из карманов, из-за пазухи доставали карандаши, ручки, буквари, задачки. Миром и домом, большой человеческой заботой повеяло от этих книжек здесь, среди болот, где шла смертельная схватка за жизнь.

— Мост легче взорвать, чем ваши книжки раздобыть, — весело блеснул зубами Петр Ильич и достал... пионерский горн.

Никто из партизан ни слова не сказал о том, какому риску подвергались они. В каждом доме могла быть засада, но никому из них в голову не пришло отказаться от задания, вернуться с пустыми руками.

Были организованы три класса: первый, второй и третий. Школа... Вбитые в землю колья, переплетенные лозняком, расчищенная площадка, вместо доски и мела — песок и палочка, вместо парт — пни, вместо крыши над головой — маскировка от немецких самолетов. В пасмурную погоду нас одолевали комары, иногда заползали змеи, но мы ни на что не обращали внимания.

Как дорожили ребята своей школой-поляной, как ловили каждое слово учителя! Учебников приходилось по одному, по два на класс. По некоторым предметам совсем не было книг. Многие запоминали со слов учителя, который иногда приходил на урок прямо с боевого задания, с винтовкой в руках, опоясанный лентой с патронами.

Бойцы приносили все, что удавалось добыть для нас у врага, но бумаги не хватало. Осторожно снимали мы березовую кору с поваленных деревьев и писали на ней угольками. Не было

случая, чтобы кто-то не выполнил домашнего задания. Пропускали занятия только те ребята, которых срочно посылали в разведку.

Выяснилось, что у нас только девять пионеров, остальных двадцать восемь ребят нужно было принять в пионеры. Из парашюта, подаренного партизанам, мы сшили знамя, сделали пионерскую форму. В пионеры принимали партизаны, галстуки вновь поступившим повязывал сам командир отряда. Тут же был избран штаб пионерской

дружины.

Не прекращая занятий, мы строили к зиме новую школу-землянку. Для ее утепления надо было очень много мха. Выдергивали его так, что болели пальцы, иногда срывали ногти, больно резали руки травой, но никто не жаловался. Никто не требовал от нас отличной учебы, однако это требование предъявлял к себе каждый из нас. А когда пришла тяжелая весть, что убит наш любимый товарищ Саша Василевский, все пионеры дружины дали торжественную клятву: учиться еще лучше.

По нашей просьбе дружине присвоили имя погибшего друга. В ту же ночь, мстя за Сашу, партизаны взорвали 14 немецких автомашин, пустили под откос эшелон. Немцы бросили против партизан 75 тысяч карателей. Снова началась блокада. Все, кто умел обращаться с оружием, ушли в бой. Семьи отступали в глубь болот, отходила и наша пионерская дружина. На нас леденела одежда, ели один раз в день заваренную в горячей воде муку. Но, отступая, мы захватили все наши учебники. На новом месте занятия продолжались. И клятву, данную Саше Василевскому, мы сдержали. Весной на экзаменах все пионеры отвечали без запинки. Строгие экзаменаторы — командир отряда, комиссар, учителя — были довольны нами.

В награду лучшие ученики получили право участвовать в соревнованиях по стрельбе. Стреляли они из пистолета командира отряда. Это была для ребят высшая честь. (Г.КОТ бывший заместитель начальника штаба пионерской дружины имени Саши Василевского)

ВАСЯ КУРКА — СНАЙПЕР

В строгом молчании стоит солдатский строй. Каждый молодой воин глубоко понимает значение этих коротких, но торжественных минут: командир вручает оружие. Принимая из рук офицера автомат, воин с волнением произносит:

— Клянусь стрелять из этого автомата так, как стрелял наш однополчанин юный герой Великой Отечественной войны Вася Курка.

Кто же он, этот юный герой, почему каждый солдат считает своим долгом быть достойным наследником его славы?

...Август 1941 года. В селе Любомирка Винницкой области после кровопролитного боя расположился второй стрелковый батальон майора Андреева. Здесь предполагалось занять оборону. Когда похоронили убитых и отправили в тыл раненых, оказалось, что в отделениях осталось по два-три бойца, весь батальон представлял собой в лучшем случае роту, и то неполного состава. Пополнение не поступало.

Рано утром к майору Андрееву и комиссару батальона старшему политруку Шурфинскому пришли восемь местных колхозников. Они просили зачислить их бойцами батальона. У дверей комиссар увидел худенького курносого мальчика.

— А ты кто? — спросил его Шурфинский.

— Вася Курка, — ответил мальчик.

— Ты пионер? — снова спросил старший политрук.

— Да, пионер, — гордо ответил Вася.

— Сколько же тебе лет?

— А что, не возьмете? Тринадцать лет мне, уже немалый. А бить фашистов буду, как все, вот увидите...

К ночи батальон по приказу оставлял Любомирку. Вместе с бойцами уходил на восток и Вася Курка. Так началась боевая солдатская жизнь школьника-пионера.

За время солдатской жизни много друзей появилось у Васи, во многих боях он участвовал. А все-таки больше всего запомнился ему первый бой и его первый товарищ. Это было в Донбассе под Чистяковым. Вася пошел в разведку вместе со Степой — молодым сержантом. Степан был старше, выше ростом, он почти не улыбался, говорил редко. И вот Вася и Степан получили приказ перейти линию фронта и добыть сведения о противнике.

По дороге в Чистякове расположен хуторок, где раньше стоял батальон. Степан сказал, обняв Васю:

— Тут одна бабка живет, зайдем воды попьем.

Но бабка эта оказалась предательницей. Как только Степан открыл дверь, бабка сразу же узнала его.

— Большевик! — крикнула она. Бежать было некуда.словно из-под земли выросли немцы. Они схватили Васю и Степу и бросили их в погреб.

— Мне, Вася, конец. Бабка про меня все расскажет. Маху дали, вот что, и как это я не додумался, что она такая. А когда мы стояли с разведыводом, приветливая была... Признаваться я им не буду, а ты говори, будто просто по дороге пристал ко мне. И плачь, проси...

Вася хотел ответить, но Степан перебил его:

— Я тебя не прошу, а приказываю. Умереть я один сумею, а ты разведку до конца доведи. Узнай точно, есть ли в Чистякове танки, а то наши ждут.

Степана пытали на глазах у Васи, а потом расстреляли. Вот тут-то и поклялся Вася отомстить врагам за друга. Именно в минуты страшной смерти Степана у него и возникла мысль стать снайпером. Васю фашисты не стали пытаться. Они поверили, что он случайно оказался со Степаном.

Вася выполнил все, что наказывал ему Степан. Он шел, полз, перебирался через речушку, проник в город и пересчитал все до единого танки врага. А к концу дня благополучно вернулся в батальон, доложил командиру. Через час наши летчики разбомбили колонну вражеских танков под Чистяковым. Васю Курку наградили первой боевой наградой — медалью “За отвагу”. Об успешной бомбежке вражеских танков под Чистяковым сообщало Совинформбюро, но и до сих пор мало кто знает, что добыл для нашего командования эти важные сведения пионер, юный боец Вася Курка.

Не раз Вася ходил в разведку.

Когда наши войска начали освобождать Украину, Вася решил осуществить свою давнюю мечту — стать снайпером. По всему фронту гремело тогда имя Максима Брыксина, замечательного снайпера, истребителя фашистских захватчиков.

Вася Курка стал учеником прославленного снайпера. Школу свою Максим Брыксин открыл на переднем крае, прямо под носом у гитлеровцев. Учеба с Максимом постепенно выработала у Васи такие нужные снайперу качества, как упорство, настойчивость, хитрость, умение быстро ориентироваться на местности.

В один из дней после тщательной подготовки Максим привел Васю в район первой роты и показал ему снайперский пост. Васе место понравилось. Он осторожно деревянной лопатой расчистил подходы, оправил смотровые щели, бойницы, место для упора винтовки.

Максим наблюдал за работой своего юного друга. — Сегодня твоя задача, — сказал он, — изучение обороны и поведения противника. Весь день будешь действовать, как снайпер-наблюдатель. Огня не открывай, себя не обнаруживай, остерегайся снайперов-фашистов.

Первый урок был неудачным. Вася принял макет головы врага за живого фашиста, выстрелил и рассекретил свой пост. Снова потянулись дни упорной учебы. И Вася понял: только осторожность, тщательная маскировка и железная выдержка сделают его настоящим снайпером.

Наконец ему разрешили вступить в единоборство с вражеским снайпером. Здесь он должен был действовать самостоятельно, и жизнь его во многом зависела только от него самого.

Вася смастерил чучело, натянул на него маскхалат и отправился на передовую. Чучело установил в нескольких метрах от основного поста и начал дергать его за веревку. И тут же над траншеей хлопнул выстрел, чучело упало. И в этот миг Вася увидел гитлеровца, который выполз из-за укрытия посмотреть на свою “жертву”. Затаив дыхание, одним движением Вася подвел мушку под цель и плавно нажал на спусковой крючок. От волнения и напряжения он даже не услышал выстрела, но зато ясно увидел, как дернулась и тут же исчезла в траншее голова вражеского снайпера.

Командир полка перед строем объявил Васе благодарность, а Максим Брыксин написал в дивизионную газету большую статью о первом серьезном успехе юного снайпера. Но и после этого тренировки не прекращались. С каждым днем росло его мастерство, рос и счет истребленных врагов.

В бою под Радомышлем Курка незаметно проник на окраину хутора и занял удобную позицию у поворота дороги. Под нашим натиском солдаты обороняющейся фашистской роты группами и в одиночку стали отступать. Тут-то и встретил их огнем из своей засады Вася Курка. Он подпускал гитлеровцев буквально на несколько метров и расстреливал их в упор. У Васи кончились патроны. Тогда он подобрал трофейный автомат, переменил позицию и снова открыл огонь по фашистам. В этом бою отважный

снайпер уложил до двух десятков гитлеровцев.

Через несколько дней стрелковая рота вела бой за опорный пункт. Вася и на этот раз показал себя бесстрашным снайпером-разведчиком. Он ползком пробрался в тыл к немцам, уничтожил несколько огневых точек и помог роте занять вражеский опорный пункт. За этот героический подвиг Вася был награжден орденом Красной Звезды.

Как-то роте было приказано занять населенный пункт восточное Довбыша. Фашисты простреливали каждый метр земли. Тогда командир вызвал Васю и сказал:

— Надо пробраться во фланг фашистам, высмотреть и заставить замолчать их пулеметы.

Вася дождался, когда грянул наш артиллерийский залп, и, пока фашисты, оглушенные, прятались в подвале каменного строения, перебежал полянку, отрыл окопчик и начал работу. Вот захлебнулся, замолчал немецкий пулемет, потом второй. Три автоматчика один за другим скатились с крыши.

Было морозно. Пошевельнешься, враги заметят, и тогда конец. Но уйти нельзя. Вася не двигался — ждал, всматривался, уничтожал врагов, пробивал дорогу роте. Несколько часов продолжалось это единоборство. А потом рота поднялась и штурмом овладела населенным пунктом.

Когда кончился бой, подошел командир. Хотелось ему какими-то очень хорошими словами оценить работу юного снайпера. Но долго думать было некогда, и командир только произнес:

— Снайпер, брат, иногда сильнее, чем артиллерия. Большое тебе спасибо, Вася. И от меня, и от бойцов спасибо. Выручил нас.

Родина высоко оценила подвиг юного бойца, наградив его орденом Красного Знамени.

Когда наш батальон сражался на землях Польши и Чехословакии, Вася стал грозой для фашистских офицеров. Он вел меткий огонь по блестящему биноклю и кокарде на офицерской фуражке, а ночью мог поразить врага по папиросному огоньку. Причем поражал цель с первых выстрелов. Это было большое мастерство. Вася стрелял в амбразуры дзотов — и дзоты замирали, бил немецких снайперов, корректировщиков. К нему приезжали для обмена опытом снайперы из других частей.

А боевые будни Васи продолжались. Хотели было перевести его в разведуправление штаба фронта, но он упросил остаться в родном полку. В короткие перерывы между боями Васю часто можно было видеть в кругу сельских ребятишек из освобожденных деревень. Рассказывал им о своем солдатском житье, о смерти Степана, вспоминал родную Любомирку. Но никогда не хвастался, не кичился орденами и медалями. А ребята завидовали ему, с восхищением смотрели, как ладно сидела на нем гимнастерка, любовно сшитая полковым портным.

Осенью 1944 года Васе исполнилось шестнадцать лет. Через несколько дней пионер написал заявление с просьбой принять его в ряды Ленинского комсомола. “Высокое звание комсомольца-ленинца, — писал он, — оправдаю с честью. Пока мои руки держат винтовку снайпера, буду истреблять фашистскую погань до самого последнего дыхания”.

И Вася до конца был верен этой комсомольской клятве.

...Уже несколько дней идут напряженные бои на Сандомирском плацдарме. Вася Курка действует в составе штурмовой группы. Смелчаки овладели каменным строением, но гитлеровцы их окружили.

— Вася, — говорит командир группы старшина Лесков, — видишь новый окоп с ходом сообщения и стрелковой ячейкой?

— Вижу. Там, кажись, немцы пулемет на треноге устанавливают.

— Правильно. Мне в бинокль это хорошо видно. Наведи-ка на них свою винтовку, уничтожим пулемет — прорвемся к своим.

И, как всегда, метко выстрелил Вася, точно попал во врага.

— Вижу движение небольшой группы людей, — докладывает он, — крадутся вдоль кустов.

— Погоди, Вася, пусть подойдут поближе.

И когда немцы подошли на расстояние трехсот метров, Курка открыл прицельный огонь. Воспользовавшись замешательством врага, штурмовая группа вышла из окружения.

Подступы к местечку Цисна. На порозовевшем утреннем небе четко вырисовывается силуэт вражеского самолета “фоккевульф” (“рама”—как его называют наши бойцы). Совсем обнаглев, вражеский летчик низко прошел над штабом полка. Но вот звучат одиночные выстрелы снайперской винтовки, и фашистский самолет-разведчик, охваченный дымом, падает в низину.

Васю вызвал к телефону командир дивизии.

— Молодец, Курка, — сказал он, — ты настоящий снайпер, благодарю тебя.

...Село Шпаройвка в Чехословакии. Над холмами летят снаряды и мины. В небе завязывается воздушный бой. Едва стрелковая рота захватила первую линию вражеских траншей за селом, как в прорыв устремилась группа автоматчиков. Вместе с ними был и Вася. Он бежал по траншеям противника, Держа наготове винтовку и гранату. В узком проходе он наткнулся на гитлеровского унтер-офицера. Фашист вскинул пистолет, но Вася направил на него винтовку. Тут невозможно промахнуться, они сошлись вплотную. Важно выстрелить первому, и первым выстрелил Вася. Не пробежал он и пяти метров, как вылетела и завертелась около него немецкая граната. Курка схватил ее за длинную ручку и швырнул обратно в фашистов.

Имя Васи Курки знали даже враги. Пленный фашистский офицер на одном из допросов показал: немецкому командованию хорошо известно, “что среди русских войск генерала Гречко имеется сверхснайпер, снайпер-ас, у которого тело чуть ли не срослось с винтовкой”. Не зря заговорили фашисты о знаменитом снайпере. Своим метким огнем он, по неполным подсчетам, уничтожил несколько сот гитлеровцев, и среди них не менее 80 офицеров. За смерть Степы он отплатил врагу сполна...

Но вот последний бой, последний разговор с командиром:

— Завтра начинаем бой, готовь хороший наблюдательный пост.

— Я заберусь вон на ту трубу, видите, какая высоченная.

— Идея правильная, но дело опасное. Да и вряд ли ты туда залезешь.

— Я там уже был и пристроил себе висячую скамейку.

Рассветало. Все чаще и чаще вспыхивали оружейные залпы, раздавались оглушительные выстрелы, нервно переговаривались между собой пулеметы. То утихала, то нарастала трескотня автоматов.

Над кирпичной трубой свистел ветер. Снизу поддувало и пахло гарью. Труба чуть-чуть покачивалась и глухо гудела. Вася спокойно наблюдал за противником, корректировал стрельбу артиллерийской батареи и, как всегда, спокойно вел прицельный, уничтожающий огонь по фашистским офицерам, наблюдателям. Вот упал один гитлеровец, второму прямо попал в бинокль, третьему — всадил пулю в грудь.

На трубе был телефон, и Вася имел связь с артиллеристами. Если артиллеристы стреляли неточно. Курка вносил поправки. Все утро шла стрельба с обеих сторон. Вдруг у самой верхушки трубы, где сидел Вася, вспыхнуло пламя, и труба окуталась дымом. У артиллерийского командира сжалось сердце. Он подбежал к телефону.

— Курка, Курка, что с тобой?

Но телефонная трубка молчала. Офицер прильнул к окулярам бинокля. Почти у самой середины трубы он увидел рваное отверстие. Вражеский снаряд угодил в Васин наблюдательный пункт.

Когда через несколько минут бойцы подошли к трубе, они увидели окровавленный лист бумаги. На нем Вася написал координаты вражеской минометной батареи. И этот листок бумаги — все, что осталось от него.

Над полем боя прозвучал боевой клич:

— Вперед, друзья, на врага, бей проклятых за нашего Васю!

...Вот почему, когда молодым солдатам вручается оружие, они присягают владеть им так же умело, как их славный однополчанин Вася Курка. И каждый молодой воин берет себе в пример его жизнь, его подвиг, учится у него любить свою Родину и ненавидеть ее врагов.

Именем жизнерадостного голубоглазого пионера назван океанский теплоход. Сегодня “Вася Курка” плавает по морям и океанам, неся гордый флаг Страны Советов к другим народам и странам. (С. ДЫХНЭ)

(Толя Куц и Володя Дундук 1941)

Встреча эта произошла девятого мая. В День Победы над фашистской Германией. Стоял ясный весенний день.

Я возвращался вместе с учениками восьмого класса с городского кладбища, где были похоронены участники Великой Отечественной войны. Мы шли по узенькой дорожке между оградами и рассматривали надписи на табличках. И когда уже поравнялись с последними могилками, заметили двух стариков: женщину и мужчину, сидевших возле небольшого холмика. На нем стоял металлический постамент со звездочкой сверху, а на могилке лежали цветы.

Я подошел к старикам и спросил, кто из близких у них здесь похоронен. Женщина подняла голову, окинула нас взглядом и ответила:

— Мы с соседом пришли навестить своих сыночков-пионеров.

Она внимательно посмотрела на учеников, словно хотела отыскать в ком-то из них знакомые черты умерших.

— Простите меня. Не из любопытства, а вот ради них я просил бы вас рассказать о своих детях, их жизни...

— Тяжело об этом вспоминать. Но все-таки расскажу, — ответила женщина.

Мои ученики тихо расселись вокруг стариков.

...Это было в начале Великой Отечественной войны в нашем городе.

Недавно закончился учебный год в школах. Наступили летние каникулы. Начиналось жаркое лето. Оно звало детей на Днепр, в лес, на рыбалку. Многие ребята разъезжались в пионерские лагеря. Ежедневно можно было увидеть на пристани, на автобусной и железнодорожной станциях, как матери и бабушки провожали девочек и мальчиков на летний отдых.

Внезапно все изменилось. Началась война.

Совсем другие люди появились на пристани и вокзале. Проходили воинские эшелоны. Эвакуировалось население. Вывозилось на восток оборудование демонтированных заводов. Даже детвора, особенно мальчики-подростки, помогали защитникам родного города. Перевязывали раненых, подносили снаряды и патроны, таскали воду для пулеметов... Бои шли долгие и жестокие. Однако наши войска вынуждены были отступить. Город захватил враг.

На одной из улиц Днепродзержинска жили друзья-пионеры — Толя Куц и Володя Дундук. Они не только были соседями по парте, но и проводили вместе время после школы, вместе готовили уроки, оба хорошо учились. Когда немцы заняли город, мальчики затосковали, но пионерских галстуков не сняли, а, как и раньше, носили их, только спрятали под рубашки. Целыми днями они шныряли повсюду, ко всему прислушивались, следили за немецкими солдатами.

Однажды утром юные друзья отправились на главную улицу города. Подойдя к случайно сохранившейся витрине, они внезапно увидели приказ немецкого командования. Он был напечатан на русском и украинском языках.

— Видишь, Володя, что фашисты пишут?

— Что, Толя?

— Выдавать немцам советских военных и... партизан. Мальчики переглянулись, видимо, одновременно подумав

об одном и том же. Володя впился глазами в витрину, читая другой приказ.

— А в этом пишут, чтоб сдавали оружие...

— Нашли дураков! — презрительно фыркнул Толя. Вынул из кармана руку и показал сжатый кулак. — А этого не хотели?

Пионеры заговорщицки перемигнулись, о чем-то пошептались. И когда увидели, что поблизости никого нет, вмиг сорвали оба приказа и спрятали за пазуху. Посвистывая и не торопясь, пошли домой.

Напротив дома, где жили мальчики, раскинулся пустырь. Он был обнесен дощатым забором. За забором находились большие каменные погребки, на которых виднелась надпись рыжей краской: "Осторожно с огнем. Бензохранилище". У ворот на лавке сидел сторож и охранял склад с горючим.

Там же, за забором, стояли немецкие грузовые автомашины. А шоферы, красноро-

жие, откормленные, как кабаны, хохотали и спокойно заливали в баки советский бензин. Бензин, который не успели ни вывезти, ни уничтожить. И вот фашисты здесь хозяйничали, распоряжаясь нашим добром, как своей собственностью.

Как-то мальчики наблюдали за этой картиной. Наконец, Толя первым нарушил молчание:

— Сколько бензина и весь остался. И немцы пользуются. А был наш, советский...

— Был, — сердито буркнул Володя. — А теперь фашистский.

— На нашем бензине повезут на фронт оружие, солдат, а нашу молодежь — в Германию, на работу? — возмущенно спросил Толя.

На них косо и недоверчиво посмотрел сторож. Замахал палкой, поднес ко рту свисток, дескать, здесь нельзя сидеть, убирайтесь отсюда прочь.

...Мальчики давно что-то задумали. Им не давало покоя бензохранилище. Оно им мозолило глаза, тревожило совесть. А слова листовок, сброшенных с самолета, призывали их к действию. “Уничтожайте врага, уничтожайте военное снаряжение, поджигайте все ценное имущество, чтобы оно не досталось фашистам...”

Был ясный, жаркий, но ветреный день. Внезапно над городом появились советские бомбардировщики. Среди немцев начался переполох. Все бросились к убежищам. В общей суматохе никто не заметил двух мальчиков, бежавших в сторону пустыря, где находилось бензохранилище.

Толя и Володя, взобравшись на дощатый забор, заглянули на территорию склада с горючим, огляделись вокруг — никого. Только гудели над городом самолеты.

— Никого нет. Все в бомбоубежище. Сторож тоже спрятался, — сказал Володя. — Пошли...

Мальчики переглянулись, спрыгнули с забора во двор и ки-

нулись к подвалу. Толя выхватил из кармана спички и сбежал по ступеням.

— Не спеши. Толя! Лучше внутри... — крикнул товарищу Володя, вынул из кармана паклю и вату и тоже начал спускаться вниз.

На дворе — ни одной живой души. Даже собаки и голуби попрятались, как перед надвигающейся бурей.

...Внезапно из подвала, где хранилось горючее, вырвался огромный клуб дыма, а следом за ним взметнулся сноп пламени. За ним — другой, третий... Распахнувшиеся двери с грохотом ударились о стены.

Вокруг, как и прежде, было безлюдно... Но вот из бензохранилища, охваченные огнем, выползли Толя и Володя. На них все горело. Оба пытались подняться, чтобы бежать, поддерживали друг друга. Протянув вперед руки, двигались на ощупь, с закрытыми глазами.

Пожар охватил весь склад с горючим.

...Из бомбоубежища выбежал сторож. Глянул на огонь и заорал не своим голосом:

— Пожа-а-ар! Бензин гори-и-ит!

За сторожем повыбегали люди. Кричали, суетились. Выбежали и родители Толи и Володи. На мальчиков кто-то набросил одеяло, сушившееся на веревке. Поливали их водой, сыпали на горевшую одежду песок...

Где-то яростно завывала сирена.

— Немцы!.. Фашисты!.. — всполошились люди.

Женщины, завернув мальчиков в простыни и одеяла, торопливо покинули двор.

В немецкой комендатуре допрашивали мать Толи и отца Володи. Над ними долго издевались, пытаясь узнать, кто подговорил мальчиков уничтожить склад с бензином. Но как ни бились фашисты, так ничего и не узнали.

Толю и Володю тайком от гитлеровцев отнесли в третью больницу. Они лежали неподвижно, закутанные в простыни, и только глаза говорили, что в них еще теплится жизнь...

Тайну сохранить не удалось — у дверей палаты немцы поставили часового. Он то громко топал коваными сапогами по коридору, то, остановившись, заглядывал в палату.

А там, возле Толи и Володи, сидела Толина мать. Женщина переводила скорбный взгляд с одного на другого и сокрушенно качала головой. Пыталась напоить из чашечки молоком то Толю, то Володю. Но те чуть заметным движением век отвечали: “Не хочу...”

В коридор зашел отец Володи. Он держал в руках небольшой узелок, из которого выглядывали две бутылки с молоком. Заметив его, часовой крикнул:

— Век, век! Дорт ист! — и показал на палату.

Володин отец протянул часовому узелок с передачей. Но тот навел на него автомат и заорал:

— Партизан! Век! Шнель! — и лязгнул затвором. Отец Володи повернулся и медленно побрел к выходу...

— Толя, сыночек, — промолвила, сдерживая слезы, мать и склонилась над постелью больного. — Что ты наделал! Кто подговорил тебя с Володей на это?

У Толи блеснули глаза из щелочек век, шевельнулись распухшие губы:

— Ма-ма... никто нас не под-го-ва-ривал... Мы са-ми... с Во-ло-дей... Мы же пионеры... по-кля-лись...

— А все же... мы подожгли склад с бензином... — чуть слышно прошептал Володя. — Немцам... ничего не досталось...

Много дней боролся врач за жизнь Володи и Толи. Но спасти пионеров-патриотов не удалось. Они оба погибли.

Погибли, стремясь в тяжелый час помочь своей Родине, которую они так горячо любили. (Т.Синько)

МГНОВЕНИЕ ИЗ ЖИЗНИ РАИ БАЛАГОВОЙ

История, которую я хочу рассказать, чрезвычайно растянута во времени. Ее начало — морозное утро марта 1942 года; место действия (вернее, происшествия) — Харьковская область, Великобурлукский район, полтора километра южнее станции Шиповатое.

В День Победы на сборе ветеранов 13-й гвардейской дивизии, которой командовал дважды Герой Советского Союза Александр Родимцев, бывший командир саперного батальона капитан Володя — ныне полковник в отставке В. С. Горлов — сделал мне дорогой подарок: вручил пожелтевшую солдатскую газету Юго-Западного фронта “Красная Армия” от 7 апреля 1942 года, где была опубликована моя заметка. Я прочитал собственное сочинение с удивлением, так как совершенно забыл все, что с ним связано. Осмеливаюсь опубликовать во второй раз свои двадцать строк, хотя отчетливо вижу, сколь сухо и бегло изложены потрясающие события, в надежде, что последующий комментарий будет интересней.

Гвардейцы возвращались с фронта на отдых. В вагонах играли гармоники, раздавались звонкие песни. Поезд шел по направлению к станции К. В это время самолеты противника бомбили железнодорожный путь. Из окна своей хаты ученица 7 класса Рая Балагова видела, как самолеты сбросили несколько бомб, слышала сильные взрывы. Стервятники еще кружили над мирным украинским селом, над железнодорожной станцией, когда Рая выбежала на улицу и со всех ног бросилась к насыпи. Она увидела, что путь разрушен. Девочка хотела побежать, сообщить об этом отцу-железнодорожнику, дежурившему в этот день на станции. Но ведь из-за поворота в любую минуту может появиться поезд. Тогда крушение неизбежно. И Рая осталась на разбитом пути ждать поезда. Стоял 20-градусный мороз, дул ледяной ветер. Поезда не видно. Прошел час, его все нет. “А может быть, поезда так скоро не будет и я успею сбегать к отцу?” — подумала Рая, но все же осталась на пути. Но вот из-за поворота показался длинный состав. Девочка распустила по ветру платок. Из всех сил размахивала она замерзшей рукой. Машинист заметил сигнал и остановил поезд. Это был эшелон гвардейской саперной части. Саперы быстро восстановили путь. Командир части крепко пожал руку Рае Балаговой за ее подвиг и премировал девочку.

Евг. Долматовский

Может быть, современному молодому читателю и неясно, что фронтовая передислокация дивизии — труднейшее и секретнейшее дело. Немалое значение придается сохранению тайны. И я начну свой запоздалый комментарий с того, что обращаю ваше внимание на маленькие корреспондентские хитрости, рассчитанные на тот случай, если газета попадет в руки врага.

Конечно, не на отдых, а на фронт и с задачей наступления перемещалась гвардейская часть. Потому и написал я, что “гвардейцы возвращались с фронта на отдых”.

Поскольку к станции Шиповатое эшелон шел из города Купянска, надо было написать, что он “шел по направлению к станции К.”, то есть в обратном направлении. Механика нехитрая, но иногда она путала карты противнику. Все же переброска из-под Щигров в Харьковскую область знаменитой 13-й гвардейской (она только что стала гвардейской) дивизии Героя Советского Союза Родимцева (только что получившего генеральское звание) не ушла из поля зрения вражеской авиации. Снегопады и метели

Стр. 35
были нам на руку, а каждое прояснение грозило налетами штурмовиков и бомбардировщиков.

В моей корреспонденции, кроме нарочитой дезинформации, была и просто фактическая ошибка: напечатано было, что эшелон спасла ученица 7 класса, а Рая в ту пору училась в 6, да и то не успела закончить по обстоятельствам военного времени.

Вернувшись со слета ветеранов, я принялся за раскопки в своем архиве. И, как это ни удивительно, нашел “офицерскую книжку” — дневник 1942 года. Карандашные записи почти стерлись, с трудом разбираю слова. Привожу строки, которые удалось прочесть:

...Состав вдруг встал, так что ребята в теплушках посыпались с нар, а лошади стали ржать и биться. Лейтенант Федор Беликов, находившийся, как положено дежурному, на локомотиве, ругается с гражданским машинистом; тот спорит, что никого на рельсах нет, нечего было экстренно тормозить, а теперь без разгона не одолеть подъем! Но Беликов отчетливо видел маленькую фигурку, размахивавшую черным платком. Перед паровозом — две бомбовые воронки. Рельсы штопором, шпалы дыбом. Побежали смотреть, ужаснулись. Но никакой спасительницы нет. Утро, часов 8. Испугались, что девочка где-то под колесами. Искали все, орала. Ее нашли в сугробе рядом с рельсами. Вез сознания. Она сжимала в красной ручке черный, какой-то старушечий платок. Она в чеботах на босу ногу. Ее понесли на паровоз. Санинструктор Маруся Маслюк давала ей нюхать нашатырный спирт, трясла. Девочка очнулась. А саперы толпились вокруг, ждали, когда их спасительница придет в себя. Уже восстанавливали путь. Произошло интересное ЧП. Начальник эшелона капитан Володя увидел, что на мужском штатском пиджаке, в который одета, точнее, завернута девочка, блестит медаль “За отвагу”. Откуда? Может быть, это отцовский пиджак с медалью? Но комиссар утверждает, что когда несли девочку на паровоз, не было на пиджаке медали! Тут кто-то уж очень глазастый заметил, что на ватнике гвардейца Якова Момана отсутствует медаль “За отвагу”, которой он недавно был награжден и весьма гордился. Влетело этому парню за самовольничанье. Нельзя отдавать свою награду никому! Это нарушение... А Моман заявил во всеуслышанье: — Если я заработаю Золотую Звезду, пошлю этой девчоночке, ведь и я, и весь батальон обязаны ей жизнью! По правде говоря, и командир, и комиссар не знали, как на такое реагировать. Но медаль “За отвагу” Якову пришлось вновь привинтить себе на грудь.

Федор Беликов появился с гитарой в руках. Он решил подарить девочке свою гитару, с которой никогда не расставался. (Видимо, эта гитара и послужила основанием мне, чтоб написать: “Командир премировал девочку”). Его гитара — как сигнал. Стали тащить кто что: конфеты, деньги, даже зажигалки дарить девочке...

Вот что я записал 25 марта 1942 года на станции Шиповатое, в тот холодный и ветренный день, хотя по календарю — вполне весна.

Я был тогда корреспондентом фронтовой газеты “Красная Армия” и спецкором “Комсомольской правды”. Помню, что историю со спасением эшелона я расписал в более пространной заметке и отправил в “Комсомолку”. Но до Москвы, до редакции, заметка не дошла. Мой столичный коллега до Москвы не добрался. Самолет У-2, на котором он летел, был подстрелен, но сумел сравнительно благополучно приземлиться и загорелся уже на земле. Раненого летчика и корреспондента эвакуировали в тыл, а планшет с моим сочинением, по всей вероятности, сгорел. Причину недоставки материала в газету, я полагаю, можно считать уважительной, и вот теперь, через 37 с половиной лет, я досылаю “Комсомольской правде” (23.12.1979) рассказ о подвиге Раи Балаговой.

Ведь эта девочка спасла тех, кто потом держал в руках легендарную волжскую переправу, защищая Сталинград, кто насмерть стоял в районе Прохоровки на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Полтаву и Кировоград, кто участвовал в спасении Варшавы, Дрездена, Праги...

Значит, успех всех этих нелегких, навсегда оставшихся в истории, боевых дел на самом раннем этапе был заложен и подвигом пионерки Раи Балаговой, подвигом, за который гвардии лейтенант Федя Беликов премировал ее своей любимой гитарой.

Лейтенант Беликов геройски погиб у подножия Мамаева кургана. Могу ли я и от его имени вновь побывать на станции Шиповатое и поцеловать руку спасительнице эшелона? Смею ли я считать свою жизнь продолжением тех жизней, которые 25 марта 1942 года спасла Рая Балагова, но не смогла уберечь потом: впереди было еще три года и месяц войны, а смерть лютовала в каждом бою...

Не знаю, имею ли я право, но не поехать в Шиповатое я не мог.

Осенним утром я вышел на почти сровнявшуюся с землей единственную платформу станции однопутной дороги, соединяющей Воронеж с Харьковом. Увидел одноэтажное станционное здание со старомодным колоколом, аккуратные подъездные пути, а за

ними — шеренга тополей.

На станционной стене, выложенной из силикатного кирпича, небольшая, похоже, бронзовая доска с надписью: “В районе станции Шиповатое 25 марта 1942 года ученица 6-го класса Шиповатской средней школы Балагова Рая спасла от неминуемой гибели воинский эшелон”. Проходящий мимо ремонтник, заметив, что я читаю написанное на доске, спросил: “Вы не Раису Петровну чекаете? Сейчас кликну!”

Я боюсь сказать, что сразу узнал Раю Балагову — просто не запомнил лица девочки. Тем более тогда, в сорок втором году, оно было для меня, как и для всех гвардейцев эшелона, чем-то святым и бесплотным. В такие мгновения запоминаются не отличительные черты лица, а сам подвиг...

Раиса Петровна была в рабочей одежде, в темной кофте.

— Простите, я с работы отлучилась.

Оказалось, что рабочий пост Раисы Петровны — тут же, вплотную примыкает к станции. Это семенной пункт. Мы вошли в чисто подметенный двор, на транспортной ленте я увидел пшеничный поток. Моей героине надо было с кем-то поговорить по делу. Пока она ходила по лабазам с ячменем, просом, овсом, я познакомился с ее мужем Петром Семеновичем Стрельченко. Он из этих мест, войну встретил на границе — служил срочную. Пережил всю блокаду Ленинграда, после восстанавливал границу на юге страны. Был и контужен, и от дистрофии падал, получил солдатские награды — орден Красной Звезды и медаль “За боевые заслуги”, вернулся в родные края не сразу, в мирные времена еще дослуживал. Когда вернулся, сразу заметил красивую девушку, неутомимую труженицу. В 1947 году расписались, есть трое сыновей. Работают муж и жена в этом самом заготзерне.

Освободилась Раиса Петровна, и я попросил ее рассказать, как было дело тогда, 25 марта 1942 года.

— А чего рассказывать? Ведь я поняла, что произошло, из вашей заметки в газете. Так что вы лучше меня знаете. Потом в учебнике “Родная речь” для 4-го класса была эта заметка, только еще короче. Мои дети в школе изучали про маму. Сейчас, кажется, другой учебник вышел, без рассказа о девочке, спасшей поезд.

Но я настаиваю. Мы сидим за столом в доме Стрельченко, у накрытого плетеной салфеткой телевизора. На славном мягком украинском языке Раиса Петровна рассказывает, я записываю:

— На станции в ту ночь оставались 2 пассажирских вагона и 4 цистерны. Когда пути загружены — тревожно: он может прилететь... Отец как раз дежурил. Мы в селе снимали квартиру, то есть комнатку, жили тесно. У меня были еще маленькие тогда — два брата, две сестры. На заре проснулась: бомбежка. Волнуясь за отца, оделась по-быстро-му и бегом на станцию. Когда вскарабкалась на насыпь, увидела свежие воронки, разрушенный путь. Растерялась: бежать на станцию? А вдруг поезд? Решила ждать. И вот состав идет. Берет разгон. Машинист дает гудок, чтоб я ушла с пути. Хотел проскочить — местность открытая, небо чистое...

Я махала платком, кричала, хотя знала — не докричишься. Но выбора не было: я и сбежать с полотна не успела бы. Все же эшелон встал передо мной, то есть перед воронками. А я, не знаю уж почему, в обморок. Когда пришла в себя — вокруг какой-то дикий праздник. Красноармейцы кричат, друг дружку обнимают, мне что-то говорят. Стали мне дарить кто что. Я домой шла с гитарой. Эшелон разгрузился, все уехали, у нас жизнь потекла по-прежнему.

В годовщину войны, как раз 22 июня, фашисты заняли село и станцию. Семь месяцев под оккупацией. Говорят, не так уж долго. Но тяжело было. Школу закрыли, разрушили все. Учиться мне больше не пришлось. Семья огромная, надо растить сестер, братьев.

— А гвардейцы не писали? Не пытались вас найти?

— Некогда им было. — Раиса Петровна по-доброму улыбается. — Воевали, остановиться да посмотреть назад не могли. Они адреса моего не знали, да и не было после войны адреса — всё село в разоре.

Это и мне Раиса Петровна отпускает грехи, а я сам перед собой так легко не оправдываюсь. В Харькове бывал не раз, на юг, на курорт проезжал поблизости... Что бы заехать в Шиповатое, спросить про Балагову? Но ни я, ни мои товарищи-гвардейцы ни в сорок третьем, ни в сорок пятом, ни в шестидесятом не искали девочку, спасшую жизнь лич-

ного состава гвардейского саперного батальона. Впрочем, и Рая, а потом Раиса Стр. 37 Петровна, никому не рассказывала о том, что произошло 25 марта 1942 года. Да и считала ли она свой поступок подвигом? Вот ее ответ:

— Как-то не принято у нас о себе говорить. А чтоб рельсы были в порядке, дети железнодорожников всегда смотрят. Я еще раньше, в мирное время, совсем маленькой заметила лопнувший рельс, премирована была. На войне забот хватало у солдат. А в 1964 году в Великий Бурлук пришло письмо из города Кургана: “Нет ли у вас тов. Балаговой, она наш эшелон остановила перед гибелью”. Искал один славный человек, ветеран, он потом приезжал, мы теперь в переписке. Вот его фотография:

На стене, в рамке, набор семейных фотографий — свадьба, младенцы, родственники. И маленькая — с документа — фотография подполковника. Он тоже — как член семьи. Это он написал, хоть и фамилию своей спасительницы помнил неточно. И от его письма пошло: и санинструктор Мария Маслюк (теперь ее фамилия Лесникова, она живет в Риге), и комбат полковник в отставке Горлов, и сам генерал-полковник Александр Родимцев, дважды Герой Советского Союза, — все написали! А начал поиск подполковник запаса Григорий Гулько — ему и честь.

Вспомнили, что тогда, в марте 1942 года, заполнен был на девочку наградной лист, но документы погибли в тяжелых боях второго лета войны. В день двадцатилетия Победы Раису Петровну вызвали в Великий Бурлук, в военкомат, хотя она никогда военной не была. Вручили медаль “За боевые заслуги” — такую же, как у мужа за участие в боях на границе. Было торжество, приехали седые гвардейцы, называли Раису Петровну героем и своей спасительницей, добавили к медали еще два знака “Ветеран 8-й гвардейской армии” и “Ветеран 13-й гвардейской дивизии”...

Тут и весь район узнал, хотя, в общем-то, секрета не было: в “Родной речи” упоминалось, но словно не о землячке написано в учебнике. Еще десять лет прошло, и райком комсомола решил установить памятную доску на станции Шиповатое. Но мало осталось гвардейцев-саперов!

...Затерялся в пламени войны след Якова Момана, сапера, мечтавшего заслужить для Раи Золотую Звезду (может, прочтет эти строки, откликнется, может, жив? Я в чудеса верю!).

История нетороплива и порой распоряжается прошлым по своему усмотрению. Годы, время, другие события, сопоставление фактов с фактами, подобными и противоположными, — все это происходит с нами и вокруг нас. Не сразу становятся очевидными истинные ценности, иные дела, казавшиеся важными, тускнеют и растворяются во времени, не оставив следа, а другие, считавшиеся несущественными, приобретают новую значимость.

Случай с подвигом Раи Балаговой не является исключением в этом неровном ряду. Раиса Петровна не искала славы, наверное, потому слава сама пришла на порог ее скромного трудового дома, стоящего на краю пристанционного поселка, километрах в двух от места ее прекрасного подвига.

Я побывал в школе, где училась Рая Балагова. Мы пришли туда из сельского Дворца культуры, прекрасного здания, недавно выросшего в центре села. В отличие от дворца, здание школы старое.

В сожженном врагом, разрушенном дотла селе Шиповатом все же сохранился его остов, и возрождение села началось именно со школы. Первое время колхозники жили в сарайчиках, ютились в землянках, но школа действовала. Пусть в чернильницах густел лиловый лед, пусть во всем отказывали себе учителя, но никакая метель не могла замести ведущую к школьной усадьбе тропинку с отпечатками маленьких ног. Правда, трудно было после освобождения с комплектованием старших классов, потому что подростки взяли на свои плечи взрослую ношу гряда и забот. Не удалось сесть за парту и Рае Балаговой.

Раиса Петровна вспоминает, как тяжело было ходить мимо школы — работать на станцию. Не раз заглядывала в приоткрытую дверь своего класса бывшая ученица, а там, за той партией, где до войны сидела она, уже восседали другие, совсем юные граждане села Шиповатого.

Директор школы-десятилетки, старый и многоопытный учитель Иван Мальцев, водил меня и показывал свои владения, знакомил с сегодняшними учениками, мы заглянули в дверь, а потом и зашли в лингафонный кабинет, бывший когда-то тем самым

классом, где сидела за партой Рая Балагова. Парт в старом (моем!) понимании этой школьной мебели давно не существует. Лакированный стол с магнитофонными наушниками на специальных подставках, первый стол налево у окна под нарисованными яркими красками назидательными изречениями на английском языке, — директор школы уважительно представил мне как “парту Раи Балаговой”. Оказывается, в школе уже несколько лет существует собственная особая традиция — за партой сидят землячки героини, отличившейся ученицы...

Из этой же школы вышли в жизнь три сына Раисы Балаговой.

Старший, родившийся через три года после войны, — Петр, окончил 8 классов, а потом шагнул в производственное обучение. Юрий и Валентин получили здесь аттестаты зрелости. Все трое уходили отсюда в армию; отслужив, вернулись в родительский дом... Впрочем, понятие “родительский дом” требует некоторого уточнения. Родились все три сына Раисы Петровны в кое-как сколоченном сарайчике, сложенном на месте разрушенной хаты. А потом, когда подросли, вместе с матерью и отцом собственными руками сложили из кирпича колхозной выделки крепкий ладный четырехкомнатный дом, в котором я и застал на следующее утро всю семью в сборе.

Я пробыл в доме Раисы Петровны два дня. Особенно запомнилось утро, когда вся семья восседала в самой большой комнате, именуемой в деревне залом, неторопливо завтракала, слушала рассказ отца о самых близких друзьях — ветеранах 13-й гвардейской, ее прославленного саперного батальона.

Мать хлопотала вокруг угощения, а сыны сидели тихо и чинно, внимая мягкой русско-украинской речи отца.

Расположились сыны по старшинству: праворучь матери — Петр Петрович, здешний путеец, Юрий Петрович — механизатор заготзерна в районе, Валентин Петрович — шофер “Сельхозтехники”. Кареглазые, смуглые, крепкие, с волнистыми прическами, они были степенны, предупредительны и виду не подавали, что спешат на работу, вышли из-за стола, лишь когда поднялись родители.

А Петр Семенович и Раиса Петровна, попросив передать привет, если встречу кого из 13-й гвардейской, надели рабочие ватники и пошли через дорогу к месту своих сегодняшних деяний: на хлебоприемное предприятие, где отбирается зерно для будущего урожая, при станции Шиповатое, где 25 марта 1942 года пионерка Рая спасла от неминуемой гибели гвардейский эшелон. (Е. ДОЛМАТОВСКИЙ)

ЧАПАЕВ НЕ СДАВАЛСЯ! И МЫ НЕ СДАДИМСЯ!

Побудку в этом доме чуть свет устраивал полицейский. Он кричал так, что звенели стекла. Цыганок, самый рослый, мускулистый и сильный из мальчиков, приготовил ему “сюрприз”.

Он притаился у двери, и как только полицейский просунул голову и открыл рот, чтоб кричать побудку. Цыганок что есть силы железным ломиком огрел его по голове. Тогда пионеры дружно напали на полицейского, скрутили ему проволокой руки, ноги, заткнули рот тряпкой и затащили под нары. Миша Романюк завладел первым трофеем — немецким автоматом.

За дверью послышались шаги, невнятное бормотанье, похожее на кашель. Конечно, это он — Каланча!

— Бери ломик. Цыганок! — шепнул Миша. — Не промахнись!

Комендант открыл дверь, спиной вошел в комнату. Цыганок взмахнул ломиком, но не достал головы, удар пришелся по спине и шее. Тогда Миша с криком: “Вяжите Каланчу!” бросился под ноги коменданту и свалил его на пол. Тот барахтался, сопел, орал благим матом, но удары сыпались градом. Семнадцать мальчишеских рук крепко вцепились в коменданта. Каланчу тоже связали проволокой и “спрятали” под нары.

— Пора-а! За мной, ребята! — скомандовал Миша Романюк. — Я знаю дорогу.

Они выбежали на улицу. Чуть красноватое солнце поднималось над крышами домов. Миша приказал одному пионеру взять с собой портрет Горького: “Нельзя Горького оставлять у фашистов”.

Семнадцать пионеров цепочкой пробирались по улицам. Их провожал седоусый сторож. Он заранее знал о побеге. Но у самого парка имени Шевченко ребята наткнулись на мотоциклистов — полицейский заслон. Фашисты остолбенели, увидев у мальчишек автомат, но, видимо, перетрусил и, не открывая стрельбы, начали теснить ребят.

Миша Романюк поднял автомат и дал очередь.

Он понимал, что силы были неравные. Выход один: повернуть свой отряд. Но куда? Снова на Канатную улицу? Миша видел, как толсторожий мотоциклист в стальной каске свернул в переулок, пошел за помощью, дьявол!

— Чапаев не сдавался! — крикнул Романюк. — И мы не сдадимся!

Они вынуждены были вернуться к дому, откуда недавно вышли в надежде на свободу. Думая перехитрить врага, Миша завел ребят в дом, чтобы вывести их затем черным ходом, но этого сделать не удалось. Тогда ребята забаррикадировали двери, окна. Пригодились мешки с соломой.

Командовать маленьким гарнизоном стал Миша Романюк. Он вспомнил о железных деталях, принесенных с завода.

— Давай тащи железяки! — кричал он. Как они были кстати, эти поржавевшие железки! Через полчаса фашисты начали приступом брать дом. В них сквозь стекла полетели куски железа. Ребята берегли боеприпасы. Когда фашисты усиливали огонь, Миша Романюк выставлял в окно связанного коменданта. Огонь мигом прекращался. Ни одного патрона Миша не пустил “на ветер”. Сколько было пуль — столько и валялось перед домом фашистов. Но что это теплое и густое течет по лицу? Кровь. Его ранило. Миша закусил губу, разорвал на себе рубаху и попросил Цыганка перевязать ему голову.

Три часа гитлеровцы поливали дом пулеметным и автоматным огнем. Миша видел, как фашисты выкатили пушку и поставили ее прямо перед окнами. А у ребят уже не было ни одного патрона...

Фашисты ворвались в дом в тот момент, когда пионеры, обнявшись, пели свою любимую песню “Широка страна моя родная”.

И Миша бросил фашистам:

— Я знаю, что вы с нами сделаете. Жаль, что у нас кончились патроны, псы вы фашистские. Но скоро придут наши. Придут! Песню, ребята!

Его сбили с ног прикладами.

Семнадцать одесских пионеров были осуждены немецким военным трибуналом. Ночь они просидели в подвале.

Фашисты вывели непокоренных ребят в парк, к берегу моря, и расстреляли их на круче, откуда открывается широкий морской простор. А рыбаки-черноморцы тайком похоронили маленьких героев в братской могиле.

ПАВЛИК ПОДДУБНЫЙ

В феврале 1943 года под ударами нашей армии озверевшие от неудач фашисты отступали от села Мартовая (Печенежского района на Харьковщине) на правый берег Северского Донца.

Перед отступлением они погнали всех мужчин из села на берег реки рыть окопы и блиндажи, а всех остальных жителей согнали в полуразрушенное здание школы. Оксана Поддубная, которую первой вытолкали из хаты вместе с детьми, ничего не успела взять с собой.

Возле развалин школы переводчик объявил приказ: никому никуда из здания не выходить. За нарушение приказа — расстрел на месте. Убедившись, что никто не сможет помешать их коварному замыслу, враги замаскировались на околице села и стали ждать подхода советской разведки.

День угасал, начинало смеркаться.

...Командир нашего батальона выслал вперед разведку и саперов, которые должны были обезвредить минные поля и проложить путь пехоте. Перед батальоном стояла задача: захватить ночью село Мартовая и форсировать Северский Донец.

Тем временем ободранные, голодные старики, женщины и дети, замерзая от холода, ждали решения своей судьбы. Оксана Поддубная прижимала к себе детей, пытаясь согреть их своим телом. Ее трехлетняя Нина и тринадцатилетний Павлик так окоченели, что у них зуб на зуб не попадал.

К вечеру мороз начал крепчать. Павлик поглядел на почерневшее лицо матери и сказал:

— Мама, я сбегаю домой! Может быть, там что-то осталось. Принесу тебе и Ниночке одеться... Пусти меня, мама!

Долго не соглашалась Оксана отпустить сына, но не смогла его удержать, по- зволила:

— Иди, родной. Только осторожно.

Выбрав момент, пионер под носом у гитлеровских патрулей пробрался на околицу села и... замер. Все сгорело... Ничего не осталось... Могильная тишина вокруг.

Внезапно Павлику показалось, что полем к селу осторожно ползут какие-то люди, одетые во все белое. Он не поверил своим глазам и напряженно вглядывался, вытянув тонкую, худую шею. Наконец, он понял: это они, наши советские разведчики!

Но их сейчас же схватят!.. Ведь там вражеская засада...

Не думая об опасности, Павлик бросился навстречу советским бойцам. Снег был глубоким, мальчик проваливался в него по пояс. Он боялся, что сзади прозвучит выстрел, что он не успеет предупредить разведчиков о коварной выдумке врага. Но фашисты молчали, они не хотели выстрелами выдать себя.

А Павлик все бежал и бежал. Он размахивал шапкой и, показывая в сторону села, кричал:

— Там немцы! Немцы!..

Когда мальчик понял, что разведчики его услышали, он, круто повернув, побежал обратно к селу. Павлик полз к школе, чтобы рассказать матери, соседям, что помощь уже близка. Но тут выскочило двое гитлеровцев и, заломив ему руки за спину, потащили в блиндаж, который был во дворе сгоревшего дома. Мальчика пытали, но мужественный пионер ни разу не крикнул, не попросил пощады...

А на безымянной высоте разгорелся жестокий бой. Немногим фашистам удалось в этот день переправиться на правый берег Северного Донца!

...Тело Павлика солдаты бережно положили на плащ-палатку и, склонив головы, перенесли в село. Командир сказал:

— Не плачьте, женщины! Пионер Павлик Поддубный спас жизнь многих, многих советских солдат. Он предупредил об опасности целую армию! Гордитесь им!

Пионерская дружина, которая носит имя Павлика Поддубного, помнит о его подвиге, заботливо ухаживает за его могилой. Каждый год 1 сентября дружина выстраивается у могилы героя. И когда вожатый, громко читая список пионеров, называет имя Павлика Поддубного, из шеренги звучит голос:

— Павлик Поддубный погиб смертью храбрых за нашу Родину! (Г. Гулько) подполковник запаса

СЛУЧАЙ НА МАГЛУШЕ

Случилась эта история в декабре 1941 года неподалеку от Москвы. Наши танки преследовали поспешно отступавших от столицы фашистов и с боем ворвались в деревню Ново-Петровское. Вдали за околицей танкисты успели даже заметить уцелевший хвост вражеской колонны. Теперь только вперед — догнать и полностью уничтожить врага. Но путь танкам преграждала глубокая речушка Маглуша. Мост через нее немцы взорвали. Танкисты нашли брод, но когда танки подъехали к речке, из-за избы, стоявшей поблизости, к ним наперерез бросились женщина и мальчик десяти-одиннадцати лет. Они что-то кричали, размахивая руками.

— В чем дело, хозяйка? — спросил высунувшийся из люка водитель первого танка.

— Туда нельзя! Фашисты заминировали поле за бродом. Комиссар Комлов подошел к женщине и мальчику.

— Как же быть, мамаша? — спросил он. — Может, танкам удастся переправиться через речку в другом месте?

— Это лучше сделать у моей избы. Речка здесь узенькая, всего четыре метра.

Хотя речка была узкой, берега ее оказались слишком высокими. Без наведенного моста танкам вброд не переправиться. Стали бойцы совещаться, где взять бревна для моста, а женщина — ее звали Александра Григорьевна Кузнецова — услышала их разговор и сказала:

— Что вы стоите, товарищи бойцы? Бревна-то лежат под моим домом. Берите их. Не хватит — разбирайте дом. Для такого дела ничего не пожалею. Потом Петя вам дорогу покажет. Он запомнил, где немцы зарыли мины, а где их нет.

Рота солдат быстро навела через Маглушу мост. Пришлось разобрать даже часть избы.

Когда первый танк переправился через речку, там его уже ждал Петя. Выско- чил вперед и, поправив обеими руками ушанку, побежал по заснеженному полю, показывая дорогу. Выведя танк на шоссе, мальчик что есть силы побежал обратно. Внезапно резанула автоматная очередь. Танкисты увидели, как Петя с размаху упал в снег. Кто-то с горечью воскликнул:

— Убили парнишку, подлецы!

Но через несколько секунд стало ясно, что Петя показал лишь отличную солдатскую шуровку — притворился убитым. Затем он быстро встал и, пригибаясь, побежал к дому. Вскоре отважный проводник повел вторую боевую машину. Яростные автоматные очереди снова вспороли снег перед мальчиком, а он, не страшась выстрелов, все бежал и бежал впереди, показывая дорогу.

Между тем первый танк, уже вступив в бой с противником, разбил тягач-вездеход с автоматчиками.

Мальчик провел на боевые позиции все легкие танки, наступил черед тяжелых машин КВ. И тут случилась беда. Пете оставалось проводить только две машины. Когда он подбежал к шоссе, танк наскочил на небольшую мину. Раздался взрыв, гусеница уцелела, а вот храброго мальчика взрывной волной контузило. Подняв лежавшего без сознания Петю, танкисты осторожно понесли его в деревню, где полковой врач оказал герою необходимую медицинскую помощь.

...Кончилась война. Но люди не забыли подвига матери и сына — семьи Кузнецовых. За доблесть и отвагу в суровые дни битвы за Москву оба награждены орденами Отечественной войны I степени. (Глушнев)

ИМЯ НА БРОНЕ

(Нина Сагайдак)

После первой встречи Нины Сагайдак с комсомольцем-партизаном Алексеем Поярковым прошло немало времени. А от партизан никакого известия. “Неужели не доверяют? — думала Нина. — Маленькими нас считают — пионеров...”

Задумавшись, Нина не заметила, как к костру подошел человек. От неожиданности девочка вздрогнула.

— Добрый день.

— Здравствуйте, — ответили Нина и Толя неизвестному старику.

— Греемся, значит... А мне можно?

— Пожалуйста.

Присел рядом, стал расспрашивать: кто, откуда... Потом обратился к Нине:

— Пойдем со мной на минутку. Там, на просеке, мой воз перекинулся, помоги. А ты, мальчик, проследи, чтобы огонь не погас. Мы сейчас вернемся.

Нина отправилась за стариком. Когда они уже скрылись за деревьями, тот остановился:

— Ну, еще раз здравствуй, Нина... Опять не узнаешь? Я все тот же Алексей... А это, — показал партизан на свою бороду и седые волосы, — временный маскарад. Парик надел. Помнишь, как мы в школе пьесу ставили. Я еще там деда играл. Видишь, теперь пригодилось...

Алексей усмехнулся.

— Вот ходил в село, “побирался”. Ночью думал в Щорс пробраться, к тебе...

— Ко мне?

— Да... С важным поручением. И видишь, мне повезло:

случайно встретил тебя здесь.

Алексей сообщил Нине, что в ближайшие дни на станцию Щорс прибудет гитлеровский эшелон. Нине поручено добыть подробные данные о нем. Ведь взрослому труднее пробраться в расположение новой воинской части.

Алексей детально объяснил девочке, что именно интересуется партизан, посоветовал, как лучше выполнить это задание, сказал, куда передать все добытые сведения.

— Ну, до встречи, Нина! — и Алексей скрылся в ельнике. Возбужденная и счастливая, Нина вернулась к костру. “Неужели правда? Мне поручили такое ответственное задание... А если не справлюсь?.. Справишься, справишься... — отвечала она себе. — Ты же всем сердцем ненавидишь фашистов!”

Толя встревоженно смотрел на сестру. Наконец спросил:

— А дедушка где?

— Уехал... А картошка уже, наверное, спеклась. Выгребай.

Приближалась годовщина Октября. У Нины собрался совет подпольного пионерского отряда: Леля и Толя Губенко, Лида Шеховцова, Валя Брегунец, Зоя Шамко... Пионеры решили достойно отметить праздник.

— Сто листовок уже написано, — доложила Леля. — Но полицейские ночью осматривают каждый забор, каждую стенку...

— В прошлый раз мы двадцать листовок расклеила-заметила Лида Шеховцова, — а наутро только семь осталось. Почти все полицейские пообрывали. Тут надо что-то придумать.

— Ой, друзья, знаю! — радостно воскликнула Нина. —

А что, если мы сделаем так...

И девочка поделилась с товарищами своим планом. В это утро из окрестных сел в город съехалось много

крестьян. Был базарный день. И вдруг над городом раздался звонкий девичий голос:

— Товарищи! Друзья! Поздравляем вас с праздником Великой Октябрьской социалистической революции! Слушайте нас все, кто стремится к свободе, кто любит свою Советскую Родину!

Шум на площади мгновенно умолк. С лицами, светящимися радостью, люди смотрели на репродуктор. Оттуда доносились слова желанной правды, слова приветствия и надежды.

А неизвестный диктор продолжал:

— Дорогие земляки! Красная Армия ведет ожесточенные бои. Коммунистическая партия подняла весь народ на борьбу с врагом. Бейте фашистскую сволочь! Вас ждут партизанские отряды...

Растерянные полицейские не знали, что и делать. Опомнившись, начали разгонять толпу, подняли стрельбу. На площадь примчался начальник гестапо. Выскочив из машины, заорал на старшего полицейского:

— Где, где оратор?! Почему не арестовали?! Юный голос продолжал звенеть над городом.

— Что? Радио? За мной! — и гитлеровец метнулся к помещению клуба, где находился радиоузел.

Окупанты смонтировали его недавно, чтобы вести среди населения пропаганду “нового порядка”.

— Окружить клуб! — приказал фашист полицейским. Несколько послал обследовать внутри. Наконец они выбежали на крыльцо и растерянно развели руками:

— Там никого нет, господин майор! Радиоузел не работает. Он поврежден.

— Диктор! Диктор где? Найти, из-под земли достать! Через час в кабинет начальника гестапо втокнули бледную, дрожащую женщину.

— Это дикторша, господин майор...

— А-а-а! Большевичка! Партизанка?! — закричал майор.

— Нет, нет, герр майор! Я — немка. Я не виновата... Пожалуйста, выслушайте...

А в это время пионеры собрались на квартире у Нины Сагайдак и взволнованно обсуждали только что пережитое ими. Вспомнили, как утром начали наблюдение за зданием клуба. Вот пришел солдат-радист. Потом — местная немка Нелли Пеннер. Она должна была вести передачи здешнего радио.

Пионеры знали, что ровно в семь солдат-радист пойдет на завтрак. Нелли останется одна. Именно это время юные подпольщики и решили использовать для нападения на радиоузел.

Зная легковверную и трусливую Нелли, Нина предложила план. Толя Губенко переоденется так, чтобы Нелли его не узнала, и сообщит ей о “несчастье”, которое якобы произошло с ее мужем. Если же она сразу не покинет радиоузла, туда по условному сигналу Толи должны были ворваться трое самых сильных ребят и ликвидировать предательницу.

Но все обошлось без лишних хлопот. Как только перепуганная Нелли выбежала из клуба, Нина Сагайдак мгновенно заняла ее место у микрофона и обратилась к своим землякам с пламенной речью. Когда же пионеры, сторожившие на улице, сообщили о

приближении полиции, Нина привела в негодность радиоаппаратуру и выпрыгнула через окно во двор. Стр. 43

Выступление неизвестной патриотки по радио вселило надежду и радость в сердца жителей Щорса. Известие это мигом облетело окрестные села и хутора, передавалось из уст в уста, обрастая все новыми и новыми подробностями.

Гестаповцы бесновались. Где-то совсем рядом в городе действовала подпольная организация, но на ее след никак нельзя было напасть. Результаты деятельности юных мстителей становились все ощутимее.

Начальник гестапо не находил себе места от ярости.

— Бездельники! Всех на фронт пошлю, на смерть! — распекал он своих подчиненных. — Это так вы служите фюреру? У вас под носом орудут партизаны, а вы не в состоянии их обнаружить! Требую немедленно принять самые решительные меры!..

Начались аресты. Немало юношей и девушек было брошено в тюрьму. Но ни один из них ничего не сказал. Пионеры из группы Нины Сагайдак были осторожны. Старшие товарищи-партизаны постоянно предостерегали их от безрассудных поступков.

Вот и сейчас, идя мимо станции, Нина вспомнила «советы Алексея Пояркова о том, как лучше разузнать намерения командования новой воинской части, прибывшей в город.

Нина хорошо знала немецкий язык и легко завязала нужное знакомство. Бывший музыкант лейтенант Герберт рассказал девочке в минуту откровенности, что его брат в 1934 году погиб в гитлеровском концлагере. Сам Герберт ненавидел эту войну и с нетерпением ждал ее конца, чтобы снова заняться музыкой, играть в оркестре. Нина рассказала, что она мечтала стать балериной.

— О, фрейлейн любит балет?! Наш командир тоже большой любитель балета. А не желает ли фрейлейн Нина выступить в концерте, который на днях состоится в клубе? Наш шеф будет очень доволен.

Нине вспомнились слова Алексея Пояркова: “Используй любую возможность ближе познакомиться с немцами. Это тебе пригодится”.

— О, я охотно принимаю ваше предложение, — с притворной радостью ответила Нина, — если это, конечно, возможно.

— Да, да, это возможно...

После этого разговора вечерами Нина начала репетировать дома партию Лауренсии из одноименного балета А. Крейна. Этот балет она несколько раз видела до войны в Москве, где во время каникул гостила у своего дяди.

Зная, что Нина готовится к выступлению, к ней заходил Герберт со своим приятелем, чтобы посмотреть, как идут дела у балерины.

— Окончится война, откроются театры, — говорил Герберт, — и я приду смотреть ваши спектакли.

— А вы знаете, когда эта война окончится? — лукаво спросила Нина.

— Это знает фюрер! — произнес приятель Герберта.

— А вы? — допытывалась Нина. — Когда уже будет спокойно хотя бы в нашем городе? А то только и слышно:

“Партизаны, партизаны”.

— О, не бойтесь, фрейлейн, — высокомерно ответил приятель Герберта. — Уверю вас: послезавтра можете встречать нас с цветами. Мы вернемся из леса и привезем вам в подарок живого партизана.

Ночью Нина тайком вышла из города. Прячась за кустами, переползая открытые места, добралась до реки Снов. Вот и старая, разбитая молнией верба. В самом низу — возле земли — небольшое дупло. Туда Нина и засунула бутылочку с запиской. А неизвестный письмоносец доставил эту записку в партизанский отряд.

Народные мстители, заранее предупрежденные юной патриоткой, устроили карателям достойную встречу. Лейтенант Герберт был ранен. Концерт состоялся без него.

Вернувшись из госпиталя, он известил Нину, что для поднятия боевого духа солдат командование снова решило устроить для них концерт. Нину тоже пригласили выступить. В прошлый раз она очаровала всех своими танцами.

Девочка с отвращением думала о зрителях в зеленых, как жабы, шинелях. Не перед такими зрителями мечтала она выступать. Но отказаться в этот раз она не могла. Накануне ее предупредил связной, что партизаны намереваются напасть на тюрьму, в кото-

рой находится их тяжело раненный товарищ. Если Нина будет выступать, гитлеровское начальство и многие солдаты пойдут в клуб. Стр. 44

Так и случилось. Зал был переполнен.

Вот на сцене появилась стройная, грациозная девушка. Это — Нина. Нет, это Лауренсия — молодая смелая испанка,

которая подняла своих земляков на борьбу против угнетателей...

Нина танцует, а мысли ее несутся далеко-далеко, туда, где гремит смертный бой за свободу ее Отчизны. И Нине кажется, что и она идет на штурм вражеских укреплений: рубит, колет, бьет. Она вся порывается вперед. Ох, если бы можно было сейчас, в эту минуту, броситься в штыки на этих извергов, палачей, сидящих в темном зале! И пусть она умрет, но никогда не покорится, не станет на колени, как не покорилась гордая, свободолюбивая Лауренсия. Зал в восторге:

— Бра-во! Бра-во, Ни-на! Бра-во! Даже патрульные, оставив свои посты, заглядывают в окна. Нина танцует еще и еще. Волнует мысль: успеют ли наши? А тем временем партизаны, бесшумно сняв часовых, освободили своего товарища.

В городе начались облавы. Среди задержанных был парень, которому Нина хотела дать несложное поручение, но, убедившись в его трусости, сказала:

— Помнишь, как на школьных вечерах ты с пафосом декламировал “Рожденный ползать — летать не может”? А это ведь о таких, как ты. Горький написал. Живи себе ужом. Обойдемся и без тебя.

И вот на первом же допросе в полиции трус назвал имя Нины. Ее схватили весенним солнечным утром. Окруженная полицейскими, Нина шла улицами родного города. Она жадно вдыхала весенний воздух, запахи первой зелени и, высоко подняв голову, представляла лицо апрельскому солнышку.

Нина знала, что навсегда прощается с весной, с жизнью. Гитлеровцы ее не пощадят. Но она их не боялась.

Нину пытали, ей обещали свободу.

— Кто еще был в вашей организации?

— Никого. Я все делала сама.

И снова ее били и пытали. Но Нина не выдала никого из своих друзей.

Спасти ее не удалось. Фашисты расстреляли пионерку. Это случилось весной 1943 года.

А через два года наши войска вели бои на подступах к Берлину. Советские танки ворвались в пригороды фашистской столицы. На одной из боевых машин красными буквами было написано: НИНА САГАЙДАК.

Этот танк, со следами осколков и пуль на броне, пришел сюда, проделав долгий, и трудный путь, — из далекого украинского Полесья. За два года перед тем он первым ворвался в город Щорс на Черниговщине. Тогда экипаж и узнал о подвиге смелой девочки Нины Сагайдак. Рассказ о юной героине глубоко взволновал танкистов, и они поклялись пронести в своих сердцах образ Нины сквозь все боевые опасности и невзгоды.

И вот наступил светлый час Победы. Четверо бывалых воинов, дошедших до Берлина, пришли к стенам рейхстага и на колонне рядом со своими именами написали имя Нины Сагайдак.

Ведь она, как и многие ее ровесники, тоже была бойцом, который, не колеблясь, отдал свою жизнь, чтобы приблизить славный день великой Победы над фашизмом. (Б. Адамович)

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ

(Борис Гайдай, Иван Сацкий, Анатолий Буценко 1944)

За последнее время Борис сильно изменился. Стал серьезнее, взрослее, строже. Целыми днями где-то пропадал, нередко исчезал и вечерами. Несколько раз мать замечала у него какие-то свертки. Однажды развернула — листовки.

— Где взял? — спросила у сына.

— За околицей подобрал, мама, — Борис виновато прячет глаза.

Мать молчит. Понимает — теперь уж сына дома не удержишь. Вырос. За несколько месяцев на несколько лет.

Вскоре Борис огорошил мать неожиданным заявлением:

— Пастухом становлюсь, мама. Буду корову тети Фени пасти.

Неделю, вторую выгоняет паренек рыжебокую буренку на сочные травы, но не зеленый луг привлекает его внимание, а большие зеленые цистерны с бензином на немецком складе горючего. Стоят они совсем близко, сразу за лужком. В каждой — не один десяток тонн первоклассного авиационного бензина, предназначенного для бомбардировщиков с черными крестами на крыльях.

Наконец повадки часовых изучены, лаз в колючей проволоке приготовлен. Дождавшись удобной минуты, пионер пробирается под проволокой и, прижимаясь к земле, ползет к ближайшей цистерне. Вот она уже совсем рядом, еще десять шагов, пять, два... Бешено колотится сердце. Рука тянется к крану. Мгновение — и мощная струя бензина с шумом устремляется прочь из хранилища.

Дома Борис отдает матери пахнущую бензином майку.

— Спрячь, мама. Не вышел из меня пастух. Буду искать другую специальность, — и улыбаясь, добавляет непонятную для матери фразу: — А бомбардировщики-то не полетят...

— Толя, Анатолий, Толька! — Борис со всех ног бежит за крепким плечистым парнем, что неторопливо шагает к станции. — Толька ты?

Парень оборачивается, улыбается, протягивает руки.

— Здоров, Боря. Давненько не виделись.

— А я смотрю издали — ты или не ты? Помужал здорово...

Ребята испытующе глядят друг другу в глаза. Разговор начинается словно ощупью.

— Дядю Павла и Тамару расстреляли, — бросает пробный шар Гайдай.

— Мать болеет, истощение... — вздыхает Буценко.

— А моя скрывается, — продолжает Борис. — Ей повестка пришла в Германию, на работы...

— Сволочи! — вырывается у Анатолия. — Скоро наши? Не слыхал?

Не спеша шли мальчишки к станции. Со стороны казалось, что говорят они о своих пустяковых ребячьих делах. Но это было не так.

Через неделю Борис Гайдай пришел в депо и предъявил направление на работу в качестве обтирщика паровозов, выданное городской биржей труда.

Представился начальству.

— День добрый, пан Куриш, — низко поклонился он старшему дежурному по депо, которого хорошо знал и до войны. Куриш работал тогда машинистом, был угрюм и нелюдим. В депо его не любили и, как выяснилось, не напрасно. После прихода немцев он тотчас отправился на поклон к коменданту, предложил свои услуги и передал, угодливо улыбаясь, список железнодорожников-коммунистов, оставшихся в городе.

— А-а, Гайдаево отродье, — хмуро встретил он Бориса. — Знаю я ваше семейство — большевик на большевике. Смотри

у меня, сучий сын, если что замечу — сразу к стенке... Понял?

На этом и кончилась церемония вступления в должность. Дали пареньку охапку ветоши, и пошел он к паровозам, оглядываясь по сторонам: где же здесь Анатолий?

Буценко Гайдай нашел возле скатоопускной канавы. Толя был не один. Рядом с ним сидел паренек в драной одежонке.

— Знакомься, Боря, — представил паренька Анатолий. — Это Ваня Сацкий, — и добавил, заметив настороженный взгляд Гайдая: — Свой парень, совсем свой. Багато от фрицев натерпелся.

Иван Сацкий действительно натерпелся. Родился и вырос он в селе Нижний Булавец, что в двух километрах от города. До войны кончил семилетку, хотел учиться и дальше, но не удалось — в Лубны пришли немцы. Несколько раз хватали Ваню патрули и отводили на сборный пункт, где формировались рабочие отряды для отправки в Германию. И каждый раз Сацкий бежал. Его ловили, жестоко избивали, но сломить упорство паренька не могли. Так и не уехал он на чужбину. Случайно удалось устроиться в депо. Здесь познакомился с Буценко. Подружились. А теперь вот и Гайдай с ними.

— Что ж, теперь нас трое, — сказал Борис. — Это уже сила. Дайте срок, ребята, такое придумаем, что фашистам жарко станет.

Шли дни, недели. Ребята работали в депо, внимательно присматривались к окружающему. Теперь они уже знали, что Лубенское депо — крупнейшее на этом участке до-

роги. Сюда приходили на ремонт паровозы из Ромодана, Пирятина, Гребенок и других крупных станций. Стр. 46

Пришла как-то Гайдаю мысль — взорвать депо. Но он сразу же от нее отказался: негде достать взрывчатки. Потом ребята вынашивали другую идею — устроить крушение на линии Ромодан — Лубны. В одном месте там колея проложена под самым обрывом.

— Ох, и лететь они будут оттуда! — восторженно развивал свою мысль Борис.

— Для этого тоже взрывчатка нужна, — охладил его пыл Буценко.

— Посоветоваться бы с кем-нибудь, — мечтательно проговорил Сацкий.

И такой человек нашелся. Пришел как-то в депо пышущий паром и дымом локомотив. Ребята кинулись к паровозу — вытирать грязный котел, будку, тендер.

— Стараетесь, хлопчики? — раздался сверху голос. Из будки спускался пожилой, чуть сутулый машинист с коричневым от жара и копоти лицом.

— Здравствуйте, дядя Нестор, — обрадовался Гайдай. — Давно вас не видел.

Машиниста-наставника Нестора Иовича Малия Борис не раз встречал до войны в доме своего дяди Павла Потаповича Гайдая. О Несторе Малие тогда говорили, что машинист он классный, но от политики далек. Беспартийный, на собраниях не выступает, от общественной работы отмахивается.

Припомнив все это, Борис решил с Малием не откровенничать. Не знал паренек, что война, оккупация, опасность, нависшая над Родиной, в корне изменили старого машиниста. Поэтому и не понял Гайдай той особой, многозначительной интонации, с которой представил ребят Нестор Иович своему помощнику Миронченко:

Это племянник расстрелянного Павла Гайдая, двоюродный брат Тамары, тоже расстрелянной. А это его дружки. Так-то...

Нестор Малий был человек молчаливый, говорил всегда

коротко, скупыми фразами. Поэтому ребята больше привязались к Миронченко, живому, общительному, горячему.

Паровоз Малия стоял в ремонте долго, и ребята частенько встречались со старым машинистом и его помощником. Однажды после очередного разговора с Миронченко Борис прибежал к друзьям с радостным, сияющим лицом.

— Помните, мы жалели, что некому нам помочь? — выпалил он скороговоркой. — Так вот, такой человек есть! Миронченко зашел в депо на третий день нового года.

— Есть разговор, — бросил он на ходу Гайдаю. — В обед у проходной встретимся. Ребят возьми.

Разговор был деловой, конкретный, лаконичный.

— Наши войска наступают, — говорил Миронченко. — Возможно, скоро подойдут к Лубнам. Помощь Красной Армии с тыла будет нужна в ближайшие дни. Нужно действовать!

Ребята переглянулись. Сацкий толкнул Бориса локтем:

“Говори”. И Гайдай, стараясь не спешить, подробно рассказал Миронченко о смелом замысле, родившемся у трех друзей в новогоднюю ночь.

— Вывести из строя поворотный круг? — переспросил Миронченко, когда Борис умолк. — Да, это хорошая мысль.

Не прошло и десяти дней после памятного разговора с Миронченко, как план действий был разработан и уточнен до мелочей. Оставалось только назначить день. Как-то само собой получилось, что командиром группы ребята признали Гайдая и теперь молча терпеливо ждали его сигнала.

На станции тем временем становилось все оживленнее. Зачастили с фронта эшелоны с ранеными, навстречу им один за другим мчались экстренные составы с техникой, боеприпасами, горючим.

— Скорее, ребята, — сказал однажды Гайдай Сацкому и Буценко. — По всему видно, бегут фрицы. Скоро грохнем!

Юные подпольщики не знали, что в этот же день немецкий комендант депо герр Швале долго говорил по телефону с генералом.

— Имейте в виду, — журчал в трубке генеральский голос, — сейчас депо должно работать, как никогда, четко и ритмично. Мы выравниваем линию фронта, и войскам придется, возможно, отойти на новые позиции. Их транспортировка зависит от количества исправных паровозов, от вас, герр Швале...

Утром 27 января Борис проснулся раньше обычного. Стрелка старенького будильника стояла на четырех. Он сел на топчане, потер ладонями лицо, стараясь понять, что подняло его в такую рань. И вдруг почувствовал, именно почувствовал, а не услышал, что к привычным шорохам снежной крупки за стеной, к мирному посапыванию деда примешиваются еще какие-то странные, приглушенные звуки. Прислушался. Потом вскочил и, не одеваясь, рванул дверь. Вместе с волной колючего морозного воздуха в хату ворвался далекий, но мощный гул, точно где-то там, за горизонтом, бушевала задорная апрельская гроза. Горячая волна радости захлестнула паренька. Он узнал этот далекий голос. Говорили пушки.

— Дед, — затормошил Борис старика, — дед, вставай! Стреляют, слышишь? Наши идут. Наши!

В эту ночь многие проснулись до рассвета. В окнах мелькали робкие огоньки. Скрипели в кромешной тьме зимней ночи дверные петли. Люди выходили из домов и, не обращая внимания на мороз, подолгу стояли и слушали, слушали, слушали. Гул канонады становился все громче, все яснее. Красная Армия наступала...

Наскоро перекусив и бросив деду короткое “пока”, убежал в депо Гайдай. Шагая к станции, долго оглядывался на родную хату Сацкий. Буценко, прощаясь с матерью, неожиданно для самого себя крепко обнял ее и поцеловал. Недоуменно посмотрела ему в след мать — необычная нежность...

В депо в это утро немцев было больше, чем всегда. Беспokoйно вышагивал негнуцимся ногами сам герр Швале, среди замасленных спецовок рабочих нет-нет да и мелькал черный мундир гестаповца. На выходе стояла усиленная охрана, ощупывая глазами каждого проходящего. Мрачный и злой метался от канавы к канаве пан Куриш.

Депо было буквально забито паровозами. Больше двадцати мощных локомотивов стояло на ремонтных канавах. Немцы нетерпеливо подгоняли рабочих: “Шнель, шнель!” Каждый паровоз был на счету. Каждый паровоз — это еще один состав с войсками, которым удастся уехать на запад, избежать разгрома, еще один эшелон с боеприпасами, которые помогут хоть на несколько часов задержать наступление Советской Армии.

Ребята проворно орудовали, счищая грязь и копать с крутых паровозных боков.

— Я узнал, — вполголоса проговорил Гайдай. — К полудню выйдет паровоз со второй канавы. Будьте готовы. В перерыв не уходить.

Ох, как ждали ребята удара гонга! Но прозвучал он все равно неожиданно. Работа приостановилась. Депо начало затихать. На считанные минуты. Промелькнули они, и вновь зазвенят молотки, загрохочет металл, запоют свою песню вышедшие на линию паровозы. Но сейчас было тихо и пустынно в депо. На считанные минуты.

— Пошли! — шепнул Борис.

Трое в замасленных спецовках, медленно, прячась за бочками, фермами перекрытий, пробирались вперед. Вот, наконец, и вторая канава. Горячий, заново отремонтированный немецкий паровоз невозмутимо попыхивал белесым паром. Бригады нет.

Буценко оглянулся назад.

— Все в порядке, — шепотом доложил он Борису, — круг разведен.

Поворотный круг — большая круглая яма, в которой на оси вращается отрезок железнодорожной колеи, своеобразный мостик, через который обязательно проходит, прежде чем попасть в депо, каждый паровоз. Это ключ к депо, к каждой из ремонтных канав. Сейчас он разведен, то есть направлен перпендикулярно ко второй канаве, колея которой обрывается на краю ямы блестящим обрезом рельсов.

В десяти шагах от паровоза Гайдай не выдержал — поднялся во весь рост и бросился к сопящему чудовищу. Ребята за ним. И вот все они в будке. Три пары рук рванули реверс. Машина вздрогнула, скрипнули, проворачиваясь, колеса.

— Вниз! — скомандовал Борис. — Живо!

Как зачарованные смотрели ребята на паровоз. Он медленно, точно нехотя, двинулся к зияющей яме поворотного круга. С каждым поворотом колес скорость его нарастала. Тридцать метров до обрыва, двадцать, десять... Надо бежать, спрятаться, но ноги словно приросли к земле. Ребята не видели, как, бешено размахивая руками, выбежал из за угла Куриш.

Тяжкий удар всколыхнул воздух, пронзительно заскрежетало железо, ухнул взрыв, заплясало жаркое пламя. На том месте, где минуто назад стоял ажурный мостик пово-

ротного круга, громоздилась куча пылающих обломков. Далеко за пределы станции промчалось многоголосие этого взрыва, точно приветственный пионерский салют наступающим частям Советской Армии. Стр. 48

...Через час герр Швале со страхом поднял телефонную трубку.

— Вы понимаете, что натворили?! — визжал генеральский голос. — Сейчас нам легче потерять целую дивизию, чем депо!.. Вы... болван, Швале...

Допрашивали пионеров несколько дней.

— Кто дал задание? — допытывался гестаповец-следователь. — С кем были связаны?

— С народом, — шевелил разбитыми губами Гайдай. И снова начинался мучительный допрос, после которого

ребята даже не могли сами добраться до своей камеры.

На пятый день следователь встретил их торжествующей улыбкой.

— Мы все знаем, — заявил он. — Вы действовали заодно с машинистами-диверсантами Малием и Миронченко. У вас был общий план диверсий.

Буценко настороженно поднял голову: откуда им это известно?

— Ну, вот вы и выдали себя, щенки, — захохотал гестаповец. — Теперь все ясно, вам эти диверсанты велели уничтожить поворотный круг в депо, а сами они устроили лобовое столкновение двух воинских эшелонов... Звенья одной цепочки...

— Вот молодцы! — вырвалось у Гайдая.

— Молчать, негодяи! — заорал следователь. — Теперь уж вы заговорите, всех назовете... всех остальных.

Но пионеры так и не заговорили.

9 февраля на рассвете за ними пришли.

Сацкий с трудом встал на ноги. Буценко подняться не мог. Гайдай бредил в беспмятстве. Дюжие конвоиры подхватили ребят, выволокли во двор, к большому закрытому грузовику, бросили в кузов.

— Здорово, хлопчики! — раздался знакомый голос.

— Дядя Нестор, — чуть улыбнулся Буценко. — И вас тоже... И Миронченко...

— Держитесь, хлопчики, держитесь, — Нестор Малий потрепал ребят по голове. — Великое дело вы сделали.

...На следующий день в газете “Лубенский вестник”, которую издавала немецкая комендатура, в разделе хроники появилось короткое сообщение, всего несколько строк:

“Вчера германскими военными властями расстреляны пять большевистских железнодорожников-диверсантов”.

Полтора месяца не могли гитлеровцы восстановить поворотный круг в депо станции Лубны. Полтора месяца стояли взаперти двадцать два немецких паровоза, а остальные локомотивы негде было ремонтировать.

После освобождения Лубен Советской Армией подлые предатели Родины Куриш и другие понесли заслуженное и суровое наказание.

С тех пор прошло уже немало лет. Славный подвиг юных патриотов не забыт. Светлые образы героев-пионеров живут в сердцах людей. Не увядают цветы у подножия памятника Гайдаю, Буценко и Сацкому. В дни торжественных сборов дружин склоняются к нему алые пионерские знамена. Часто приходят к памятнику школьники, и здесь у гордой гранитной скалы дают клятву быть такими же, как Борис Гайдай, Иван Сацкий, Анатолий Буценко. (Б. КРАЕВСКИЙ)

АВТОГРАФ ЛЕСИ БРУС

(Гриша Медвидь 1946)

В июне 1982 года Леся Брус приехала в Харьков как делегат IX слета пионеров Украины. Ребята делились впечатлениями о сегодняшних делах своих пионерских дружин, отрядов, звеньев, а Леся поведала новым друзьям грустную историю, случившуюся однажды холодной ночью 1946 года.

Это произошло на Западной Украине в селе Лисятичи. И хоть Леся сама не могла быть свидетельницей тех страшных событий, но рассказывала о них с такой искренностью, теплотой, сочувствием, как будто все видела своими глазами...

Отца Гриши перевели из Лисятичей на работу в Стрыйский райисполком. Уехали с ним мать и брат. Собирался уже в дорогу и Гриша. Думал: завтра отправится в Стрый к

родным. Завтра... Но завтра для Гриши не наступило.

Холодной ночью бандеровцы вытолкали Гришу из хаты на мороз и связали ему руки колючей проволокой. Мучители требовали, чтобы он рассказал, где отец, кто остался в селе вместо него, в каких хатах живут пионеры.

Мальчик молчал. Автоматная очередь оборвала жизнь двенадцатилетнего пионера.

— Наш городской пионерский штаб “Пламя”, — сказала Леся, — решил соорудить памятник Грише Медвидю. Десять тысяч рублей собрали пионеры и комсомольцы города Стрия! Был объявлен конкурс на лучший проект памятника.

Леся как председателю городского пионерского штаба, действующего при Доме пионеров, поручили возглавить операцию “Монумент”. Вместе с другими следопытами она разыскивала материалы о жизни юного героя, побывала в Лисятичах, в Трускавце, где ныне живет брат Гриши, записала его воспоминания. Девочка всматривалась в нечеткие, пожелтевшие от времени фотографии, и в ее воображении рождался проект памятного знака. Рассказывая на слете о поисковой работе штаба, пионерка скромно промолчала, что именно она стала одним из победителей конкурса, а творческая группа в составе скульптора З.И.Расиной и архитектора И.П.Тымчишина использовала ее предложение и подруги по штабу Гали Шуст.

На слете выступали и другие пионеры. Ведь каждому было о чем рассказать.

Так, Люда Мирошниченко из Комышеватской средней школы Кировоградской области поделилась с делегатами пионерского слета опытом “Похода бережливых”. В своей школьной столовой пионеры за один год сэкономили 3200 килограммов хлеба. Ежедневно дежурные следили, чтобы не было отрезано ни одного лишнего кусочка, чтобы нигде на столах не оставался хлеб. Конечно, это не значит, что кто-то оставался голодным, но бросаться хлебом, недоедать обед — такого у них не бывает. Юные комышеватцы встречались с хлеборобами, трудящимися колхоза имени XX съезда КПСС, в частности со своим знаменитым земляком, дважды Героем Социалистического Труда, членом Президиума Верховного Совета СССР Александром Васильевичем Гиталовым, рассказавшим им о том, сколько приходится приложить усилий, чтобы вырастить хороший урожай хлеба, о бережливом отношении к нему. Ребята и сами помогают колхозу: создали огородную бригаду, собирают колоски в поле.

Лена Корнева из Днепропетровска предложила всем ввести методы борьбы за успеваемость, которые уже прижились в их средней школе № 96. В школе во всех классах работают предметные кружки, консультационные пункты. Над каждым троечником шефствует кто-нибудь их лучших учеников.

— Но этим мы не ограничиваемся. Ведь в каждом классе есть пионеры, намного лучше остальных знающие один какой-нибудь предмет — физику, математику или химию. Именно они могут лучше всего объяснить непонятную тему по этим дисциплинам. И мы обращаемся к ним за помощью.

Юные друзья пограничников, юные инспекторы движения, участники операций “Уренгой” и “Миллион — Родине”, “голубые” и “зеленые” патрули. хозяева пионерских ферм, члены трудовых объединений школьников, тимуровцы и красные следопыты — каждому было чем отчитаться перед слетом.

А сколько инициатив! Киевляне предложили провести операцию “Радуга” — по сбору цветных металлов, так необходимых для народного хозяйства. Одесситы (несколько лет тому назад они были инициаторами операции “Орленок”) предложили собрать металлолом и построить современный турбоход “Броненосец Потемкин” — в честь легендарной крепости революции.

И у Леси было свое предложение: всем принять участие в сборе материалов для республиканского музея пионерской славы. Как это сделать? Хотя бы так, как сделали они в пионерском штабе “Пламя”: раздали каждой дружине путевки в пионерское прошлое отцов. Сколько интересного было в отчетах пионерских отрядов! Тогда же решили посадить Аллею пионерской славы в своем городе.

Делегаты слета разделились на секции и начали непосредственно знакомиться с опытом работы друг друга, обмениваться планами на будущее. И вот наступило время оставить в городе IX слета пионеров Украины свои автографы: написать о своей пионерской организации, работе, о друзьях, о себе. Леся Брус колебалась какое-то мгновение — очень уж хотелось рассказать обо всем, что они делают. Но на специальной карточке, которую ей вручили, не так уж много места. И она писала о своем друге Грише

Медвиде, с которым она мысленно дружит всю свою сознательную жизнь.

Девочка вспомнила свои ощущения во время торжественной линейки у подножия памятника Родине-матери в Харькове, в Лесопарке. Это было в первый день слета. Сердце сжималось от печальной мелодии Шумана. словно в поклоне, замерли задумчивые деревья. Медленно чеканили шаг воины с гирляндой Славы, нескончаемым потоком лилась красногалстучная колонна. Звучали стихи:

Где сурово, как лес, стоит тишина, Где лишь ветер поет на птичьем крыле...

Когда грянули залпы салюта, склонились знамена и наступила минута молчания, эти строки как бы продолжали звучать:

Где сурово, как лес, стоит тишина...

Сейчас в городе Стрые у Дома пионеров стоит памятник. Двенадцатилетний мальчик со знаменем в руке, в галстук и буденовке встречает своих ровесников. С буденовкой Гриша не расставался никогда. Этот символ верности Революции был и в том замысле памятника, который предложила стрыйская пионерка Леся Брус. Это ее автограф на карте пионерских дел.

А после слета — новые неотложные дела. Надо выполнять решения пионерского форума, свои личные планы. Ее ровесники из средней школы № 7 вот уже не первый год проводят операцию “Доброта”. Они завязали тесную дружбу с детским домом, который находится в далекой Чувашии. Девочки вязали для друзей шапочки, шарфы, кофточки. Мальчики тоже сами готовили подарки. Ребята собрали также библиотечку. И теперь на чувашской земле есть у них названные братья и сестры. Леся хочет, чтобы и их школа включилась в эту операцию.

...Среди ночи Леся просыпается от сухого треска автоматной очереди и всматривается в темноту.

— Ты слышишь меня, товарищ? — Ей хочется поговорить с Григорием, столько рассказать, столько расспросить. Но мальчик молчит. Все он уже сказал. Сказал своей короткой, яркой жизнью... (С. ИВАНЮК)

ПОДВИГ ОЛЕСЯ ИВАНЮКА

В комнату, где проходило заседание бюро райкома комсомола, вошел небольшого роста смуглый паренек. Он был одет в темно-синий новый костюм. На груди алел пионерский галстук. Большие карие глаза глядели весело и пытливо.

— Вот это и есть Олесь Иванюк, — сказал кто-то из присутствующих.

— А на вид совсем маленький! — улыбнулся секретарь райкома и обратился к мальчику: — Значит, ты, Олесь, хочешь стать комсомольцем? Это очень хорошо. Расскажи нам о себе.

У Олесья Иванюка короткая биография. Родился он в буковинском селе Берегомет, где живет и сейчас. Отец погиб на

фронте. Мать и сестры работают в колхозе. Братья — Василий и Петр — в Советской Армии, оба комсомольцы. Олесь учится в седьмом классе на пятерки и четверки.

— Кем бы ты хотел стать, когда вырастешь? — спросила светловолосая девушка, которая сидела рядом с секретарем райкома и очень напоминала Олесью молодую учительницу из его школы.

— Я хотел бы стать... героем! — выпалил Олесь и немного путано начал объяснять: — Героем труда, отважным летчиком или смелым путешественником...

Он прочитал о летчиках и путешественниках много книг и посещает школьный кружок юных географов... И еще знает массу песен... Он очень любит “Песню про Щорса”...

Заметив, что он слишком уж разговорился, Олесь покраснел и замолк. Но секретарь райкома обратился к нему снова:

— Расскажи, за что правление колхоза “Большевик” вынесло тебе благодарность и костюм подарило.

— Вот этот? За ягнят...

Олесь внезапно утратил все свое красноречие, и это заметила пионервожатая Берегометской школы Галина Воробьева.

— Позвольте, я расскажу.

Это случилось осенью. Олесь погнал ягнят пастись на урочище Сухой Поток. День был холодный. Тучи покрыли небо и окутали седыми клочьями вершины гор. Олесь

насобирал хвороста, зажег его и присел погреться у огня. Потом начал искать место, где еще не истоптана трава и цветет душистый лиловый чабрец.

Старые овцы умеют сами находить лучшее пастбище, а ягнята ужасно глупые и пугливые. За ними, как за малыми детьми, надо присматривать. У Олеся было с ними столько хлопот, что он и внимания не обратил на грозно зашумевшие ели. Потом дождь погасил костер, и в долине стемнело, словно приближался вечер...

Внезапно Олесь услышал, как высоко в горах что-то загрохотало, и понял: где-то там, над горными долинами, прошел ливень, и теперь сокрушительные потоки несутся вниз, швыряя в пропасть деревья и каменные глыбы...

Надо скорей убежать! Он погнал отару на луг и... замер от неожиданности: знакомая с детства зеленая равнина, усеянная желтыми цветами, превратилась в мутное озеро. Бурные волны торопливо бежали ему навстречу.

Маленькая горная речка, петлявшая посреди луга, вышла из берегов, встретилась с ручьем Солонец и заливала всю окрестность. Теперь, чтобы выйти на дорогу, ведущую к селу, надо было бежать к мостику.

Напуганные проливным дождем и ревом воды, ягнята сбились в кучу на пригорке и не хотели трогаться с места.

— Куш, куш! — кричал Олесь, подгоняя их хворостиной.

Он долго блуждал и не мог найти мостика, пока, наконец, не понял, что тот снесен водой. Теперь оставалось одно: переплыть неглубокую, но разбушевавшуюся речку...

Может быть, побежать в село и позвать кого-нибудь на помощь? Нет, он не успеет: вода так быстро поднимается. Она потопит бедных ягнят! Олесь пересчитал их — двадцать восемь белых, двадцать четыре черных.

Он решительно сбросил сапоги и верхнюю одежду, схватил белую ярочку и кинулся с ней в воду. Вода была такой студеной, что мальчику показалось, будто тысячи острых иголок впились в его тело... Он быстро плыл, поддерживая одной рукой испуганного ягненка.

Переправив его на другой берег, он снова вернулся к отаре и толкнул в воду уже двоих ягнят. Вода сносила их в сторону, но, чувствуя властную волю человека, они подчинялись ей и сами старались плыть рядом с мальчиком.

Еще и еще возвращался Олесь, пока не переправил восемнадцать ягнят. Тогда остальные сами бросились в воду, торопясь вслед за отарой. Олесь переправил свою одежду, опять пересчитал ягнят. Двадцать восемь белых и двадцать три черных. А где же еще один?

Мальчик вернулся на луг. Он брел по воде, уже доходившей ему до колен, щелкал зубами от холода. А слезы отчаяния катились по щекам. Он будет искать ягненка, пока не найдет! Не мог же тот утонуть...

Уже приблизившись к лесу, Олесь услышал жалобное блеяние. Черный ягненок запутался в кустах шиповника и не мог сам оттуда выбраться. Он бы погиб, если бы остался здесь. Мальчик освободил ягненка из цепких объятий колючих веток, взял его на руки, прижал к себе дрожащее тельце и поспешил к отаре.

Он пригнал всех ягнят в овчарню, сдал их бригадиру и только тогда что было духу побежал домой, держа в руках мокрые сапоги.

Мать жестким полотенцем растерла посиневшие от холода ноги Олеся, уложила его на печь, тепло укрыла, напоила горячим чаем из дикой малины и липового цвета.

Через несколько дней в районной газете появилась заметка о том, что пионер Олесь Иванюк спас от гибели отару ягнят. Председатель колхоза, вручая премию, пожал мальчику руку, как взрослому...

— Молодец, Олесь! — сказал секретарь райкома комсомола. — Пионерская дружина недаром дала тебе рекомендацию в комсомол. Ты поступил смело, как и положено комсомольцу!.. Вот какая у нас молодежь растет под зарей Октября! — закончил он, обводя глазами всех присутствующих.

— Я уверена, что когда ты вырастешь, — обратилась к

Олеся светловолосая девушка, — из тебя выйдет настоящий герой, кем бы ты ни стал: летчиком, путешественником или колхозником...

После заседания бюро райкома ученик седьмого класса Берегометской средней школы Вижницкого района Черновицкой области Олесь Иванюк получил комсомольский билет. (М. САМСОНОВА)

ПИОНЕРСКИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ

В совхозе “Ишимский” родилась инициатива: пионерским отрядом — на животноводческие фермы. Инициатором замечательного дела, организатором пионерского отряда выступила казахская школьница, делегат VIII Всесоюзного слета пионеров, проходившего в Москве, Клара Биргебаева. Она обратилась ко всем пионерам Тургайской области Казахстана с призывом поддержать этот почин.

Инициатива пионерки ишимской школы Клары Биргебаевой была одобрена на бюро Кийминского райкома Компартии Казахстана и секретариатом Тургайского обкома комсомола.

Отряд назвали “Карлыгаш” (“Ласточка”). За отрядом закрепили более трех тысяч ягнят. Все члены отряда прошли зооветеринарную учебную подготовку. У ребят — опытные наставники. Зимой пионеры участвуют в окотной кампании, в уборке помещений; весной оказывают помощь в проведении стрижки овец; летом ухаживают за молодняком, заготавливают корма, а осенью занимаются очисткой кошар, подготовкой к зимовке скота.

Появился на ферме специальный пионерский вагончик. Здесь — штаб пионерской агитбригады. Он заботится о ветеранах труда, проводит встречи школьников с передовиками производства, организует чествование победителей социалистического соревнования и концерты для тружеников.

Начало учебного года принесло пионерам восьмилетней школы села Монастырки большую радость, а руководителям отделения совхоза — дополнительные заботы: кем заменить юных помощников?

Почти все лето отряд “Карлыгаш” жил на берегу Ишима. Было и веселое купание, и ночи у костра. Но главная забота у ребят была “взрослая”: откармливали ярок — молодых овец,

Удивительным оказалось это необычное подразделение совхоза. Когда создавалось первое пионерское производственное звено, многие сомневались: участок берут очень трудный, не так-то просто ухаживать за ягнятами, да и поголовье на площадке немалое — 3, 8 тысячи. Но пионеры всем доказали, что могут быть надежными помощниками взрослых.

В полное распоряжение ребят передали хорошо оборудованную откормплощадку, а также вагончики для пионерской комнаты. Начинали день и проводили смену под звуки горна. В столовой вкусные обеды для юных чабанов готовила сердечная и заботливая колхозная повариха, ветеран хозяйства. Ей помогали, конечно, и члены звена. С раннего утра с ребятами находился совхозный бригадир.

— Удивляло, с каким энтузиазмом дети работали, — говорили колхозники. — А ведь мы боялись, что они не выдержат. Сначала и руководители совхоза сомневались, справятся ли ребята с таким ответственным заданием.

Командиром “Карлыгаша” пионеры дружно выбрали Клару. За ударный труд она награждена первой в своей жизни правительственной наградой — медалью “За трудовое отличие”.

Можно понять радость ее отца: ведь первой его наградой была такая же медаль. А в 1981 году Абдрахману Биргебаеву за высокие показатели и профессиональную самоотверженность было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Абдрахман и его жена Мария Яковлевна всю свою жизнь работают в овцехозяйстве, имеют восемь детей. Подрастая, дети всегда помогают родителям.

На линейке, посвященной окончанию первого трудового лета, подарки ребятам вручал знатный чабан области А. Биргебаев. Так в совхозе передают эстафету трудовой доблести.

В пионерском производственном звене “Карлыгаш” работали 13 мальчиков и девочек. За два месяца они получили от ягнят 326 центнеров привеса. Но ценность труда ребят измеряется не только экономическими категориями, она гораздо глубже...

“Карлыгаш” продолжает свою жизнь, а патриотический почин создания пионерских животноводческих звеньев при ученических производственных бригадах сельских школ широко распространяется по всей республике. (А.Василенко)

ШАГ К ГРАНИЦЕ

Шестиклассник Чарва Аннаяроров и его друг Алламурад Овезов возвращались домой от друзей из соседнего поселка. Летом в пустыне темнеет поздно, но сразу — сумерек почти не бывает. Темнота внезапно рухнула на ребят.

— Смотри, Чарва! — показал Алламурад на темный силуэт у дороги. На кромке шоссе, ведущего в Ашхабад, сидел человек.

— Дядя, вы устали? Может быть, вам помочь?

— Воды не найдется? — спросил человек.

Алламурад отвинтил пробку солдатской фляжки — ее выдали ему в отряде юных друзей пограничников вместе с формой. Он еще в пятом классе записался в этот отряд.

— Спасибо, — сказал человек. — Давно не пил такого вкусного чала.

Этот напиток из верблюжьего молока приготовила мама Алламурада. “Без чала в пустыню не отпускает, — говорил Алламурад. — Чал утоляет жажду лучше воды”.

Человек встал. Вернул флягу и, кивнув ребятам, двинулся в Ашхабад.

— Чал как чал, — пожал плечами Алламурад. — У нас в Каахке в каждой семье такой делают. И у станции он продается... А, Чарва?

Чарва смотрел вслед незнакомцу. Он прихрамывал на левую ногу. Видно, стер в пути.

— Он не туркмен, — вслух размышлял Алламурад. — И живет явно не в нашем районе...

— Почему ты так думаешь? — перебил друга Чарва.

— Шапка не по-нашему сшита!.. Беги на заставу! А его, — Алламурад кивнул вслед уходящему, — я попробую задержать.

— Вдруг у него оружие? — испугался за приятеля Чарва. — Или он знает каратэ?

— Беги. Нас в отряде самбо учили...

Сигнал тревоги поднял солдат на заставе. “Садись!” — командир группы захвата распахнул перед Чарвой дверцу машины. “Я буду участвовать в задержании?” — обрадовался мальчик. Командир улыбнулся в ответ и провел ладонью по его жестким волосам. Машина уже мчалась по дороге Каахка — Ашхабад.

В это время Алламурад тихо, как кошка, крался по кромке шоссе. Позже он рассказал, что тогда его волновали две проблемы: не потерять из виду белую шапку незнакомца (белый цвет даже в темноте чувствуешь с расстояния 10—15 метров) и не наступить на гюрзу (эти змеи любят лежать даже ночью на нагретом асфальте). “И все?” — спросил я. “Нет, — ответил Алламурад. — Я думал, добрался ли Чарва. И скоро ли приведет пограничников...”

Время тянулось. “Надо что-то предпринимать, — подумал Алламурад. — Вдруг незнакомец свернет с дороги?” Созрело решение: догнать, остановить. Но не насторожить бы его при этом... Алламурад отстал еще метров на двадцать, а потом пошел по шоссе открыто, что-то насвистывая, легко, беззаботно...

Человек остановился. Оглянулся. Каким-то шестым чувством Алламурад ощутил: сейчас бросится в сторону, побежит. “

— Эй, дядя! — крикнул Алламурад. — Не в Карахан ли идете? Если так, то нам по пути... Кстати, может, еще чалу выпьете? Мама готовила...

Напряжение спало. Незнакомец узнал мальчика и, видимо, решил, что бояться ребенка не стоит.

— А где твой приятель? Тот, что поменьше?

— Он дома уже. Я его провожать ходил. Сейчас к себе возвращаюсь...

— Никогда в жизни не болтал так много, как в тот раз, — рассказывал потом Алламурад. — Рта незнакомцу не давал раскрыть. Хоть он и хорошо — без акцента, чисто — говорил по-туркменски.

— Я тороплюсь! — раздраженно оборвал мальчика незнакомец.

— Что вы, дядя! — простодушно развел руками Алламурад. — Спешить вам нельзя, ведь нога стерта, хромаете. Может, присядем? Отдохнем? Я вам и пластырь дам, ранку на ноге заклеите...

Незнакомец сел, развязал шнурки. Вдали на шоссе послышался шум мотора.

— Что это? — встrepенулcя мужчина.

— А! — беззаботно махнул рукой мальчик. — Почтовая машина. За газетами! В Ашхабадский аэропорт...

Через минуту машина затормозила в пяти метрах от них. Из нее выпрыгнули солдаты группы захвата.

— Документы!

Незнакомец поднял руки, сидя на асфальте...

Несколько месяцев спустя в штабе погранотряда Алламураду Овезову вручили медаль “За отличие в охране государственной границы”. Он хранит ее вместе с Почетной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации. Такой же грамотой — за смелость, решительность, находчивость при задержании нарушителя границы — награжден и Чарва Аннаярлов. Он тоже вступил в отряд юных друзей пограничников. И так же, как Алламурад, мечтает стать офицером и служить на границе.

К трудной, но очень почетной службе делают ребята свой первый шаг. (С.Гончаренко)

БЕССМЕРТИЕ

(Послесловие)

Юный друг! Эта книжка давно уже стала учебником мужества, стойкости, героизма, любви к Родине, верности делу коммунизма. Она стала святыней для юного поколения. Вот уже в пятый раз эта книга выходит в свет, каждый раз пополняясь и обогащаясь новыми фактами и именами. И я, как писатель, которому близко содержание этого сборника, каждый раз перечитываю его с большим волнением. Свои мысли об этой книге, которая готовится издательством к печати, мне хочется начать с воспоминания о прекрасном и светлом человеке — Человеке с большой буквы, о Сидоре Артемьевиче Ковпаке, прославленном партизанском генерале, дважды Герое Советского Союза, государственном деятеле, славном сыне своей неповторимой эпохи и своего великого советского народа. Это он в 1958 году написал предисловие к первому изданию сборника “Дети-герои”.

Слово Сидора Артемьевича было нежным и мудрым, проникнутым отцовской любовью и добротой, горячей заботой о молодом поколении.

“Я люблю вас за искренность и пытливый ум, одаренность и неисчерпаемую тягу к знаниям, смелость и отвагу,— писал Сидор Артемьевич, обращаясь к юным читателям. — Много радости приносит мне каждая встреча с детьми в школе, у пионерского костра, в дни походов юных исследователей по историческим местам, на заводах и колхозных нивах”.

Сегодня нет уже среди нас этого дорогого нам человека, но слава о Ковпаке, звонкая и крылатая, живет в народе, а его высокий жизненный подвиг стал прекрасным образцом для юношества, для тех, кто задумывается, с кого ему брать пример.

Сидор Артемьевич рассказал ребятам о своем нелегком жизненном пути — пути мальчика из бедняцкой семьи, которого Великий Октябрь поставил во главе красных партизан, привел в строй красноармейцев, в Чапаевскую дивизию, в ряды славных строителей социалистического государства, а потом в ряды защитников Родины от фашистского нашествия.

“Войну я провел в большой и дружной семье партизан,— вспоминает С. А. Ковпак. — Уже с первых дней, когда мы только начали собирать свои силы в Спадцанском лесу под Путивлем, к нам стали приходить пионеры и школьники с одной просьбой: позволить вместе с нами уничтожить фашистов”.

Из документальных произведений Сидора Артемьевича Ковпака, Алексея Федоровича Федорова, Александра Николаевича Сабурова, Михаила Ивановича Наумова, Петра Петровича Вершигоры и ряда других авторов миллионам читателей стали известны подвиги многих мальчиков и девочек, юношей и девушек, которые в грозный для Отчизны час стали верными и незаменимыми помощниками взрослых в подполье, в партизанских отрядах. Своим мужеством и высоким патриотизмом они прославили себя на весь мир, на все грядущие времена.

А о скольких сыновьях и дочерях полков, воспитанниках воинских частей повествуется в книгах известных полководцев, участников Великой Отечественной войны, писателей и журналистов!

В грозные дни наша бесстрашная пионерия, наша героическая молодежь была рядом с дедами, отцами и старшими братьями, взяла на свои слабые плечи безмерную тяжесть — благородный и трудный долг воина-бойца и пронесла это почетное звание с достоинством и честью. Сотни юных патриотов, отличившихся в борьбе с врагом, на-

граждены орденами и медалями.

Дорогой читатель! Перед тобой, как живые, предстали десятки маленьких героев и героинь. И те, кто в неравном поединке с жестокими и коварными врагами погиб смертью храбрых, и те, кто, оставшись в живых, вырос на радость Отчизне и своим самоотверженным, упорным трудом умножает славу родной страны.

Прочитав эту книжку, ты смог убедиться, что в суровые дни войны пионеры и комсомольцы сороковых годов оказались достойными сыновьями и дочерьми своих отцов, плечом к плечу с которыми они сражались за честь, свободу и независимость своей Родины.

За сорок лет, прошедших с великого дня нашей Победы над фашистскими захватчиками, уже не одно молодое поколение выросло, не зная войны, живет и трудится под мирным небом, спокойно и уверенно строит светлое будущее человечества — коммунизм.

Но никогда, пока светит солнце, не забудут люди всенародного подвига в Великой Отечественной войне. Не забудут и не позволят его умалить, хотя кое-кому очень бы хотелось, чтобы прошлое было забыто.

Заокеанские военные стратеги, разжигающие новую войну, пропагандирующие атомное безумие, буржуазные историки,

недобитые гитлеровские генералы, искажая исторические факты, пытаются оправдать фашистское мракобесие, обойти молчанием всемирно-историческую роль Победы советского народа в Великой Отечественной войне, величественный подвиг советского солдата, освободившего Европу от коричневой чумы. Они стремятся скрыть ту великую правду, которую должны знать все люди, все грядущие поколения.

Заправила военно-промышленного комплекса США и их ставленники в государственном аппарате делают все возможное, чтобы разъединить людей доброй воли, приучить народы к мысли, что вся планета является зоной “жизненных интересов” Соединенных Штатов.

Американские толстосумы считают себя единственными вершителями судеб и отдельных людей, и государств. Для достижения своих целей они не останавливаются ни перед чем, пускают в ход шантаж и клевету, организуют политические убийства, готовы даже развязать ядерную войну, в которой может погибнуть все человечество.

И как же им хочется, чтобы люди забыли прошлое, чтобы дети оказались недостойными своих отцов, забыли отцовские заветы, отреклись от родной земли и обычаев своего народа, чтобы восприняли они тот образ жизни, который по душе заокеанским бизнесменам.

Напрасные потуги, пустые надежды, бесплодные старания! Настоящий, честный человек, патриот своей Родины готов лучше погибнуть, чем предать свой народ и свою землю.

Так было всегда, так есть, так будет!

Киевский летописец Нестор, автор древнейшей истории земли Русской, рассказал в своей летописи о бессмертном подвиге безымянного юного киевлянина.

В давние времена, когда на землю Русскую, на Киев славный нередко нападали то половцы, то печенег, то другие кочевые племена, случилось однажды так, что враги со всех сторон обложили город. Киевский князь со своей дружиной был в отъезде и не знал об этой беде. Храбро и самоотверженно защищались киевляне. Но силы были неравными, без княжеской дружины трудно было выстоять защитникам города.

И вот один мальчик, имени которого мы так никогда и не узнаем, переодевшись в одежду вражеского воина, смело проник в стан противника, пробрался через все заставы, завладел конем и стрелой помчался туда, где находился князь со своим войском. Князь, извещенный юным смельчаком о вражеском набеге, тотчас повел дружину к Киеву и разгромил врага. Киев был спасен.

История знает немало примеров беспредельной отваги и умелых действий юных патриотов. Немало об этом сложено легенд.

А сколько юных героев прославлено в мировой литературе!

Вспомним хотя бы Гавроша, храброго маленького парижанина который вместе с восставшими сражался на баррикаде и отдал жизнь за революцию. Имя его стало нарицательным! О таких маленьких смельчаках, героях нашей действительности страница к странице складывалась эта книга.

Сидор Артемьевич Ковпак, стоя у Кремлевской стены там, где вечным сном спят герои Октября, обратил внимание на мемориальную доску, где золотом было написано

имя Павла Андреева. Сборник этот, как вы знаете, открывается рассказом о московском мальчике Павлике Андрееве, который, подобно Гаврошу, тоже стоял на баррикаде и погиб смертью героя во время октябрьских боев 1917 года в Москве.

Сколько их было, юных борцов за счастье и свободу, детей революции, детей-воинов! Идеи Ленина, идеи партии коммунистов стали для них понятными и дорогими, и они мужали не по годам, вырастали людьми, достойными Революции.

Двадцать лет после гражданской войны над нашей Родиной солнце светило на мирном небе. Строилась новая жизнь. Новые социалистические отношения рождались и прочно входили в быт, в сознание людей. Стала реальностью вековая мечта человечества — невиданный до этого социалистический образ жизни.

Главным героем советской литературы стал человек эпохи социализма. Высокие его стремления, яркие черты его характера нашли свое воплощение в произведениях Горького и Шолохова, Фурманова и Серафимовича, в поэзии Маяковского и Тычины. И наравне с Павлом Власовым и Павкой Корчагиным, Чапаевым и Давыдовым героями нашей литературы стали юные граждане Страны Советов. Образы детей, созданные Гайдаром, Головкин, Копыленко, Пантелеевым, Кассилем и многими другими советскими писателями, способствовали становлению и воспитанию новых послереволюционных поколений молодежи.

Благодаря новому, социалистическому строю, советской школе, литературе, мы, дети рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции, вырастали и выросли горячими патриотами, убежденными коммунистами.

Двадцать лет — срок небольшой, но он оказался достаточным, чтобы сформировалось поколение, которое до конца постигло величие Октября, могущество идей Ленина, которое горячо любило свою социалистическую Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

В дружной семье народы-братья обрели свое счастье — свободу, равенство, уверенность в завтрашнем дне. Для детей открылись двери школ и высших учебных заведений, возможность развивать любые таланты, выбирать любую жизненную дорогу, для них ясной зарей засияло прекрасное и светлое будущее.

И нет ничего удивительного в том, что в грозный час, когда на священную битву за честь и свободу родной земли, за светлые ленинские идеи поднялся против фашистского нашествия весь советский народ, самое молодое поколение — мальчики и девочки, рожденные в советское время, воспитанные советской школой, вместе с отцами и старшими братьями, не колеблясь, стали в ряды защитников Родины.

В этом сборнике рассказывается о подлинных фактах, названы подлинные имена юных героев — мальчиков и девочек, пионеров и комсомольцев. Тех, кто и сейчас живет и работает в городах и селах нашей страны, и тех, кто отдал жизнь за Родину и кому благодарные соотечественники соорудили памятники, чьими именами названы школы и улицы, о ком сложили песни, чья бессмертная слава навсегда останется в людских сердцах.

Слова: “Никто не забыт, ничто не забыто” — близки и понятны каждому. Прошло много лет, а интерес к подвигам отважных не угасает. В нашей стране тысячи красных следопытов объединены в кружки и клубы. Они проводят большую патриотическую и воспитательную работу, разыскивают новые материалы о боевых подвигах защитников Родины. А главное — они закаляют свою волю, обогащаются духовно, растут настоящими ленинцами, верными патриотами своей Советской Отчизны, верными продолжателями дела своих отцов, своего народа.

Незабываемый Сидор Артемьевич Ковпак в слове, обращенном к пионерам, сказал: “Вы, безусловно, помните законы юных пионеров: любить свою Родину и Коммунистическую партию, чтить память тех, кто отдал свою жизнь за свободу и процветание Советской Отчизны, дружить с детьми всех стран мира, быть хорошим товарищем, заботиться о младших, помогать старшим. Пионер во всем должен быть примером”.

Именно эти слова народного Героя мне и хочется подчеркнуть, заканчивая свои раздумья над этой книжкой. И пожелать ее читателям вырасти настоящими советскими людьми, честными и трудолюбивыми, храбрыми и красивыми душой, достойными тех героев, которые были, есть и навсегда останутся гордостью нашего народа и нашей великой Родины.

Ю. О. ЗБАНАЦКИЙ, Герой Советского Союза